ЭСТЕЛЬ
МАСКЕЙМ
Темная сторона Кая
ОТ АВТОРА ТРИЛОГИИ
«Я ГОВОРИЛ, ЧТО...»
18+

Я говорил, что…

Эстель Маскейм

Темная сторона Кая

«Эксмо»
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Маскейм Э.

Темная сторона Кая / Э. Маскейм — «Эксмо», 2019 — (Я говорил, что…)

ISBN 978-5-04-110161-9

Ванесса опасается серьезных отношений, поскольку, как ей кажется, близость с другим человеком всегда чревата потерей. Она не готова на такие жертвы – спасибо, но ей уже достаточно. Да и ее последнее свидание закончилось весьма плачевно: Харрисон оставляет ее в темноте одну посреди парка, а наутро рассылает знакомым видео, где Ванесса ведет себя… неосмотрительно. Зато это становится поводом для знакомства с Каем, у которого давние счеты с Харрисоном и который не против доставить тому проблемы. Кай и Ванесса начинают хулиганскую игру.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-110161-9

© Маскейм Э., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 21
Глава 4 30
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Эстель Маскейм
Темная сторона Кая

Estelle Maskame
THE WRONG SIDE OF KAI
Copyright © Estelle Maskame 2019

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

– Так какой он на самом деле, этот твой Харрисон?

Водка у меня во рту едва не улетает на пол. Удержав, проглатываю и поворачиваюсь к Чайне. Она сидит на краю столешницы, в окружении бутылок, болтает ногами и, стараясь не рассмеяться, вскидывает бровь. Только что мы гадали, где другие девчонки покупают такой клевый прикид, и вдруг этот поворот.

С равнодушным видом поднимаю бокал – немного содовой и много дешевой водки – и пожимаю плечами.

– Выше среднего. Определенно себе на уме. Точно знает, что делает.

Чайна отпускает наконец смешок.

– Я имела в виду, как личность.

– А, скучноват.

Бросаю быстрый взгляд в гостиную. Терпеть ее не могу, но, надо признать, Мэдисон Роуми всегда закатывает классные вечеринки, когда родители уезжают из города по делам. Сейчас они во Флориде, так что дом Роуми временно превратился в центр общественной жизни. Сегодня здесь весь наш класс – толпа народу, все снуют туда-сюда и кричат, не слыша друг друга. Музыка бьет по ушам, глухо ухают басы. Вместить такую вечеринку может только дом Мэдди Роуми. Такую – это где не кончается выпивка, куда не нагрянут без предупреждения родители, где все на все согласны и ко всему готовы. Поначалу бывало весело, но теперь как-то… предсказуемо. А предсказуемое скучно. Перевожу взгляд на Харрисона Бойда. Он подпирает дальнюю стену, потягивает пиво и перебрасывается шуточками с ребятами из футбольной команды. Трет висок. Как всегда. Вот поднимает голову, шарит глазами по толпе и замечает, что я наблюдаю за ним. Глуповато ухмыляется и многозначительно подмигивает. Мы с ним тусуемся последние два месяца, и мне не надо гадать, что означает это подмигивание. Оно тоже такое знакомое, такое привычное и расшифровывается просто: в какой-то момент пробираемся наверх. И там его губы найдут мои.

Расчетливо-жеманно я улыбаюсь в ответ, отбрасываю за плечо волосы и переключаюсь на Чайну. Харрисон не единственный, кто умеет флиртовать.

– Мне и дальше играть недотрогу?

– Можешь попробовать, – говорит Чайна, соскальзывая со столешницы, – но ты же все равно растаешь, как только он начнет нашептывать тебе на ушко милые нежности. – Она наклоняется ко мне и грубоватым голосом добавляет: – *Эй, Ванесса. Это я, Харрисон. Как делишки, крошка?*

Я отталкиваю ее и приглушенно хихикаю.

– Шшш! – Ребята на кухне посматривают на нас как-то странно. Какого-то особенного секрета из флирта с Харрисоном Бойдом я не делаю, но чтобы все были в курсе моих дел, мне тоже не надо. Допиваю свой коктейль и бросаю стаканчик в мусорную корзину.

– Пойду поговорю с ним. – Я ерошу волосы, встряхиваю резвыми кудряшками и достаю тюбик блеска для губ. Хочу предстать перед Харрисоном в наилучшем виде. Весь вечер мы старательно избегали друг друга, и, однако ж, *мне* снова приходится уступить и сделать первый шаг. Как было бы здорово, если бы он, пусть иногда, брал инициативу на себя, но Харрисон слишком самоуверен, чтобы бегать за кем-то.

– Иди, девочка, давай, – подбадривает меня Чайна. – Исайя обещал забрать нас потом, так что не пропадай, ладно? И… ох, будь осторожна.

– Как обычно. – Я выпячиваю губки и посылаю ей с ладони воздушный поцелуйчик. Она ловит его и делает вид, что прячет под платье, а потом посылает ответный. Мы всегда так делаем.

В девятом классе отец Чайны получил новую работу в Цинциннати, и в день отъезда мы обменялись такими же вот поцелуями, пообещав, что спрячем их и будем хранить вечно. Так вот и распрощались, но через три месяца ее папа бросил свою новую работу, и Тейты вернулись домой. С тех пор мы с Чайной так и продолжаем посылать друг дружке поцелуйчик.

Я выхожу из кухни и иду к Харрисону. Скоро полночь, и за нами заедет брат Чайны, так что времени у меня немного. Кто-то уже свалился на диван и борется со сном, но у большинства кайф еще не выветрился. Настроение у меня боевое, и момент сейчас вполне подходящий, чтобы заявить свои намерения. Мы с Харрисоном всегда изображаем из себя недотрог, флиртуем на расстоянии, делаем вид, будто ничего не происходит, но при этом оба знаем, что неизбежное скоро случится: я сорву одежду с него, и он сорвет одежду с меня.

Приближаюсь к Харрисону и его дружкам и, чтобы чем-то занять руки, трогаю волосы и поправляю юбку, подтягиваю ее чуть повыше, но…

О!

Налетаю на что-то, содержимое стакана выплескивается на меня, а сам стакан падает на пол между мной и препятствием. Поле зрения резко расширяется, Харрисон отступает на задний план, и я нацеливаю взгляд на того, кто стоит передо мной.

Узнаю его не сразу, что необычно, потому что в старшем классе новичков нет. Он делает шаг в сторону и смотрит вниз, на растекающееся по джинсам темное пятно.

– Ванесса. – Голос строгий, как у приходящей няни, отчитывающей едва начавшего ходить малыша. Чайна подходит ко мне сзади, берет за локоть, тянет назад и еще извиняется за меня, но уже другим, застенчиво-мягким тоном: – Не обижайся, она немного неловкая. – И, наклонившись, шепчет мне на ухо: – Смотри, куда идешь, подруга.

Парень поднимает голову, смотрит на меня, и, хотя его лицо прямо передо мной, я все равно его не узнаю. У него ясные голубые глаза, теплая, с бронзовым оттенком кожа и вьющиеся волосы, короткие по бокам, гуще и подлиннее сверху. В Уэстервилль-Норт он определенно не учится – в противном случае я бы точно его запомнила.

– Да, Ванесса, – насмешливо говорит незнакомец с ударением на мое имя, и в его голосе не раздражение, а интерес и любопытство. Он сводит брови, и я замечаю на одной из них выбритую вертикальную полоску. – Осторожнее! – Губы ломаются в усмешке; он проходит мимо и смешивается с толпой на кухне.

Я принюхиваюсь, втягиваю оставшийся запах одеколона, пока он не испарился, моргаю и поворачиваюсь к Чайне.

– Это еще кто?

– Какая разница? – Она кивает в сторону гостиной, куда я вроде бы держала путь. – Ты идешь к Харрисону или нет?

Да, точно. Харрисон.

Секундная пауза – успокоиться и собраться с духом, – и я беру прежний курс. Харрисон с приятелями все так же перебрасываются шуточками. Я проталкиваюсь между Ноа Диасом и Энтони Винсентом, и Харрисон тут же встречает меня взглядом.

– Эй, Харрисон, тут за тобой пришли. – Энтони толкает приятеля в плечо. Ноа молчит, но опускает глаза и потягивает пиво. Не так уж давно я крутила с ним. Но это уже неважно. Парни знают правила. Знают, что это только флирт, а флирт со мной всегда имеет срок действия.

– Не будь таким ревнивым, Энт, – усмехаюсь я и, положив руку ему на плечо, чмокаю в щеку.

– Эй! – подает голос Харрисон и с притворным недовольством поджимает губы, но я вижу, как они разъезжаются в стороны. Что самое лучшее во флирте? В нем нет ревности. Контролировать чье-то поведение бессмысленно. Мы ничего друг другу не должны.

Я смотрю на него, чуть склонив голову набок, и стараюсь удержать нейтральное выражение. Он смотрит на меня.

– Тебе что-то надо?

Харрисон наконец-то ухмыляется, хватает меня за запястье и тянет к себе. Я прижимаюсь к его груди. Наши глаза – две пары зеркал, его губы в нескольких дюймах от моих. Он кладет мою руку себе на шею, и я ощущаю теплую энергию его кожи.

– Ты что, избегала меня? – мурлычет Харрисон мне на ухо. Из-за музыки его почти не слышно.

– Могу задать тот же вопрос. – Я легко касаюсь губами его губ, дразню и для пущего соблазна чуть выразительнее, чем обычно, хлопаю ресницами. Ноа и Энтони сдвигаются в сторонку, чтобы не мешать, хотя народу вокруг и без них хватает. Впрочем, никому до нас дела нет. Вечеринки ведь для того и устраиваются. Могу поклясться, Марк Петерсон и Элли Форд всего секунду назад тискались на диване.

– О'кей, – говорит вдруг Харрисон и, взяв меня за подбородок, поглаживает большим пальцем по щеке. – Хватит ерундой заниматься. – От него несет пивом, и я чуточку отстраняюсь. Он щурится и лениво, самодовольно улыбается. – Я первый наверх, или ты дорогу покажешь?

Повторять не надо. Проскучав весь вечер, хочется чего-то поострее. Я поворачиваюсь и, не выпуская руки Харрисона, тащу его за собой через гостиную. Вторую руку он сунул за пояс моей юбки, и его ладонь обжигает кожу. Замечаю, что Ноа наблюдает за нами от дальней стены. Да и другие тоже.

– Какого черта им надо? – взрывается вдруг Харрисон и, отпустив мою руку, обгоняет меня и топает дальше.

Я смотрю ему вслед – что ж такое отвлекло его от меня? – и замечаю, что на кухне назревает заварушка. К месту происшествия уже устремилась живая волна, но кое-что разглядеть удается. Судя по всему, на огонек пожаловали парни из соперничающей футбольной команды. Понятно, что никто их не приглашал, и здесь им не рады.

Соперничество между «южными», «северными» и «центровыми» в Уэстервилле словами не ограничивается. Особенно между «северными» – это мы – и «центровыми». В прошлый уик-энд мы играли против «центровых». Вообще-то я к футболу равнодушна, но на ту игру пошла, потому что потом собиралась встретиться с Харрисоном. Разумеется, мы им влетели – команда у нас дохлая, – но украшением матча стала стычка на поле в третьей четверти.

Похоже, до конца отношения так и не выяснили.

Я проталкиваюсь сквозь толпу к Харрисону, но рядом тут же возникает Чайна. Она так трясет головой, что ее косички хлещут меня по лицу.

– Никогда, наверно, не пойму, почему парни ведут себя так, словно они уже в НФЛ[1]. – Я слушаю ее вполуха и, привстав на цыпочки, пытаюсь понять, далеко ли зашло дело. – Это же не всерьез, но для ущемленного самолюбия стоящее развлечение.

– Там «центровые», правильно?

– Ну да. И если мне только будет позволено, замечу, что их команда круче нашей. – Она картинно обмахивается ладошкой. – Рассел Фредерик, это же… Ух! Ну как можно отказать этому рыженькому.

Как раз сейчас Рассел Фредерик принял боевую стойку и наступает на Ноа Диаса. Футбола в средней школе не бывает без того, чтобы квотербеки соперничающих команд не сцепились друг с другом. Уверена на все сто, есть где-то такие правила, выбитые на мраморной плите. За спиной Рассела поддержка – с полдюжины «центровых». За Ноа – наши ребята. Харрисон.

– Приложили вас… жестко, – говорит Рассел. Этот парень, он просто вытесан из камня, честное слово. Плечи широкие, как мост. Смотрит с издевкой на Ноа. – Я бы тоже плакал.

---

[1] НФЛ (*англ.* NFL) – Национальная футбольная лига.

– Хочешь, чтобы я тебе нос подровнял? – парирует Ноа и сжимает кулаки; готов ответить, если допекут, не только словами. Продолжение следует – кто-то сопит, кто-то бурчит. Противники обмениваются оскорбительными и язвительными репликами.

Зеваю. Я так погрязла в унылой рутине, что даже этот спектакль в декорациях вечеринки уже нисколько меня не трогает.

– Эй, Харрисон, хочешь словить еще? – кричит один из «центровых». Я отыскиваю источник звука и обнаруживаю того самого парня с бронзовой кожей и приятным запахом одеколона, на которого наткнулась пару минут назад. Вот, оказывается, почему я его не знаю, – он учится в Уэстервилль-Сентрал, а сюда заявился с остальными футболистами, заранее планируя устроить разборки. И вот теперь он задирает не кого-нибудь, а именно Харрисона.

Идея далеко не самая лучшая. Как обычно, когда его провоцируют, Харрисон подается вперед – вот уж у кого кулаки чешутся. В той стычке в прошлый уик-энд ему разбили губу – возможно, этот самый парень, который и сейчас выбрал его мишенью для своих выпадов. Ту разбитую губу я весь вечер лечила поцелуями. Может быть, сегодня придется повторить.

Харрисон бросается к противнику, и все остальные, будто только этого и ждали, приходят в движение. Я равнодушно наблюдаю за тем, как Ноа врезается в Рассела, как Энтони пронзает кулаком пустоту и как Харрисон хватает своего загадочного оппонента, который явно имеет к нему какие-то претензии. *Мальчишки*. Иногда я их просто терпеть не могу. Они так болезненно самолюбивы, так отчаянно рвутся показать себя.

Все кричат, толкаются, наших парней призывают вымести «центровых» вон и вообще всячески подталкивают к тому, чтобы перейти к более активным действиям. Лишь две девчонки просят ребят остановиться, подавляющее же большинство даже не пытаются вести себя как цивилизованные люди. Я не вмешиваюсь и довольствуюсь тем, что наблюдаю за Харрисоном. Ему удалось прижать противника к стойке и провести захват, но тот ловок и быстр. Вывернувшись, он выплескивает в грудь Харрисону содержимое попавшей под руки чашки.

В шум сражения врывается пронзительный голос Мэдди Роуми, которая вторгается в заполненную народом кухню.

– А ну-ка прекращайте! Да мои родители четвертуют меня, если вы разгромите дом! Хватит! – Она размахивает руками, но кто станет внимать ее мольбам? Неожиданно для меня драчуны опускают руки и замирают на месте. Раскрасневшийся от злости Харрисон смотрит на свою мокрую футболку. – Хочется продолжить, вываливайте на улицу! Здесь сегодня у «северных» вечеринка. Не у «южных» и уж точно не у «центровых». – Мэдди морщит нос и решительным жестом указывает на дверь. Ее твердость и самообладание производят сильное впечатление. – Кого не звали – уходите.

Незваные гости уходят, толкаясь и огрызаясь. Обидчик Харрисона с ухмылкой, приглаживая волосы, проходит мимо него. В какой-то момент он поднимает голову и смотрит на меня, откровенно и пристально, и от этого взгляда в животе у меня все переворачивается. Парень быстро отводит глаза. Жаль, не знаю, как его зовут, – если вдруг вспомню, то лишь как красавчика, у которого я выбила стакан из рук.

Они уходят, как стая волков, недовольно рыкая. Дверь закрывается за последним, и все выглядит так, словно их и не было. Снова гремит музыка, толпа на кухне понемногу рассеивается, слышен смех.

– Пойду Харрисона утешать. Поглажу его растрепанное эго, – шепчу я Чайне. Подруга смеется и, поигрывая идеально нарисованными бровями, подталкивает меня в его направлении. Только это лишнее – я и без нее знаю, что делаю.

– Кай Вашингтон, – бормочет Харрисон, когда я подхожу ближе. Разглаживает мокрую, облепившую рельефный торс футболку. – Представляешь, начал меня толкать…

Вот, значит, как его зовут, думаю я. *Кай Вашингтон*.

Пытаюсь не отвлекаться, сосредоточить внимание на Харрисоне, но до его футбольных страстей мне дела нет, и, прежде чем он успевает сказать что-то еще, быстро говорю:

– Да ладно, какая разница? В любом случае я эту футболку с тебя сниму.

Не давая опомниться, беру его на буксир и тащу за собой к лестнице. К черту эту выдохшуюся вечеринку – мне не терпится оказаться в его объятьях. После стычки в нас обоих бурлит энергия – в крови у Харрисона гуляет адреналин, а я словно зарядилась от того откровенного взгляда, который бросил на меня парень с бронзовой кожей. *Кай Вашингтон*. Стараюсь прогнать это странное, тревожное ощущение и полностью переключиться на Харрисона.

Торопясь, спотыкаясь, поднимаемся по ступенькам. Мы оба не вполне трезвы, но так нам даже больше нравится. Мэтт Петерсон и Элли Форд тоже переместились с дивана наверх и теперь обжимаются у стены. Нас с Харрисоном парочка не замечает, и мы проскальзываем мимо и вваливаемся в первую попавшуюся комнату.

Я не включаю свет и не думаю, куда мы попали. Тяну Харрисона к себе, мы сталкиваемся, и его губы находят мои. Теряя в темноте равновесие, натыкаемся на мебель, наступаем друг другу на ноги. За закрытыми дверями по дому разносится приглушенное эхо далекой музыки.

Харрисон вцепился зубами в мою нижнюю губу. Запускаю пальцы в его волосы. Он сжимает мою задницу – я в ответ целую его еще крепче. Мы снова теряем равновесие и падаем на кровать. Я – сверху. Обхватываю ногами его бедра, наклоняюсь вперед и прокладываю дорожку поцелуев от подбородка вниз по шее.

– Ванесса. – Харрисон мягко сжимает мое лицо ладонями и заставляет поднять голову. – Можно спросить кое-что?

Он ворочается подо мной, тянет руку к лампе, щелкает выключателем. Свет разливается по комнате, и я снова вижу его – вижу, как поднимается и опускается его грудь, слышу тяжелое дыхание. Футболка сбилась вверх, и я кладу ладони на его голую грудь и с любопытством смотрю на него. Интересно, к чему эта пауза?

Тон уже не игривый, и смотрит он на меня серьезно, что совсем не в его стиле.

– Прямо сейчас? – Я смеюсь и снова прижимаюсь губами к его губам – пусть лучше помолчит. Пытаюсь отвлечь от посторонних мыслей глубоким поцелуем, но на этот раз привычный способ не срабатывает. Харрисон отстраняет меня, подтягивается и приподнимается, опираясь на локти. Смотрит на меня так серьезно, что я начинаю думать, а может, он и не пьян вовсе.

– Послушай. – Он смахивает упавшую на глаза блондинистую прядь. – В следующем месяце мы с ребятами собираемся отчалить на пару дней на Мэд-ривер-маунтин. Отдохнуть. Покататься на лыжах. Некоторые планируют подружек захватить. Вот я и подумал, может, и ты согласишься поехать с нами.

Звучит здорово – я люблю лыжи. Но все равно паника сжимает, как тисками. Это что же получается? Харрисон просит меня поехать с ним? Серьезно? Он приглашает меня покататься на лыжах? Поехать на Мэд-ривер-маунтин с ним и его друзьями? Для меня это офигительно серьезно. Потому что означает только одно: Харрисон хочет продолжения. Хочет от меня большего. Хочет, чтобы мы проводили вместе больше времени. Как пара. Но в том-то и дело, что этого я дать ему не могу. Чувство такое, будто в животе делает последний оборот стиральная машина – все кувыркается на предельной скорости, и мне стоит немалых усилий побороть позыв к рвоте.

Ответ должен быть коротким – нет. Я не могу допустить кого-то в свою жизнь. Только не вот так. Не могу рисковать. И потому я кирпичик за кирпичиком выкладываю между собой и Харрисоном надежную защитную стену.

– Ух ты. – Я выпрямляюсь, но оставляю ладонь на его груди и чувствую, как колотится под ней его сердце. В комнате становится тихо, как будто сама вечеринка со всем ее шумом внезапно канула в пустоту. – Так ты приглашаешь меня как свою девушку?

– Просто подумал, как было бы весело и…

– Никаких свиданий, Харрисон Бойд. – Я грожу ему пальчиком и с деланой скромностью улыбаюсь, маскируя стиснувший грудь приступ паники. Это правило мы установили еще летом, когда я в первый раз поцеловала его в машине. Он заехал за мной после того, как мы целый день флиртовали по переписке, а потом, не теряя времени, перешли к делу. Тогда же мы сразу договорились, что просто развлекаемся и что ничего другого за этим не последует. Дурачимся, и только. Ничего серьезного. – Никаких обязательств, не забыл?

Знает он или нет, но я только что решила: с этим пора кончать. Как только появляются признаки того, что парень хочет повести дело дальше, остается лишь одно: соскакивать. Харрисон мне вроде бы даже нравится. Он сексуальный, знает, как поработать руками, и вдобавок не такой зацикленный на себе качок, как остальные его приятели-футболисты. И все же он нравится мне *не настолько*. Не могу отделаться от мысли, что мы неизбежно теряем того, в кого влюбляемся.

Ничего не могу с собой поделать. Перед глазами – хотя и без приглашения – появляется отец. Причем не тот, прежний, а нынешний, человек, у которого пепел там, где было сердце, и пустота в глазах. Чего я никак не хочу, так это закончить подобно ему.

Харрисон тяжело вздыхает, напоминая о себе, и я гоню посторонние мысли.

– Иногда тебя так трудно понять.

– *Вот это* трудно понять? – спрашиваю я и, наклонившись, толкаю его в грудь и заставляю откинуться на спину. Сжимаю обеими руками лицо, впиваюсь ногтями в скулы и прижимаюсь губами к мягкой коже шеи. Прокладываю новую дорожку – к ключице, – оставляя такие засосы, которые еще долго будут напоминать ему обо мне, потому что больше я уже никогда его не поцелую.

– Ванесса, – бормочет Харрисон, и его голос напоминает приглушенный рокот. Он шумно выдыхает и расслабляется подо мной. Одна его ладонь лежит у меня на талии, другой он накручивает мои волосы себе на пальцы.

Приподнявшись, я стаскиваю с него влажную футболку, бросаю куда-то в сторону и принимаю прежнюю позу, соблазнительно улыбаясь ему сверху. Что в этом нравится мне больше всего? Дразнить. Сводить их с ума. Видеть разгорающееся в глазах желание. Мне нравится ощущать свой контроль над ними. Иногда кажется, что это – единственное в моей жизни, что я еще контролирую.

Но сейчас мое представление – это отвлекающий маневр для нас обоих. Я направляю всю свою энергию на Харрисона, стараясь угодить ему, чтобы усмирить разбушевавшиеся панические мысли.

Я двигаю бедрами, елозю взад-вперед, и он смотрит на меня снизу вверх, и деним его джинсов трется о мои бедра. Мне нравится считать, что у меня талант по части поддержания зрительного контакта. Играя с притворной невинностью с волосами, я прикусываю губу, делая вид, будто не понимаю, что делаю.

– Ты такая проказница, Ванесса, – бормочет Харрисон. – Я с тобой не справлюсь.

Он прав – ему со мной не совладать. Но, по крайней мере, он наконец-то получает удовольствие.

– Улыбнись, – говорит Харрисон и подмигивает, и лишь тогда я замечаю, что он достал камеру и держит ее над головой. – Как насчет небольшого шоу?

Что ж, я согласна.

Улыбаюсь в камеру и выдаю такое шоу, которое стоит того, чтобы вспомнить о нем завтра.

Глава 2

Просыпаюсь. Рядом Чайна сопит мне в ухо и пускает слюни на плечо. Отталкиваю ее, сдвигаю к другому краю широченной кровати – хочу хоть немного еще поспать. Я не знаю, который час, но знаю, что уже определенно не рано. Слишком громко урчит в животе.

Тру глаза. Ресницы слиплись из-за туши, смыть которую я поленилась накануне вечером, когда мы пришли сюда. А вот раздеться успела, потому что, выбравшись из постели, сразу же ощущаю на голой коже холодок от работающего в комнате кондиционера. Секунду или две стою неподвижно, решая, пьяная ли я еще, переживаю похмелье или каким-то чудесным образом пребываю в распрекрасном состоянии. Собираю разбросанную по полу одежду – от нее воняет прошлым вечером. Верный признак того, что все прошло хорошо.

– Чайна? – Подруга даже не шевелится, только дышит тяжело-тяжело, а потом вдруг снова начинает шумно сопеть, как какой-нибудь грузовой поезд. На прикроватном столике три разнокалиберных банки пива, которые Чайна умыкнула с вечеринки, когда мы уходили. Пить она не стала, но фокус вполне в ее стиле. В школе Чайна постоянно прихватывает из класса канцелярские принадлежности и прочие мелочи.

Вообще-то будить ее не обязательно. Я так часто ночую в доме Тейтов, что стала здесь чем-то вроде постоянного предмета обстановки, как обеденный стол или телевизор. Иногда, когда не хочется возвращаться домой, легче провести ночь здесь. Пользуясь моментом, открываю встроенный шкаф Чайны, пересматриваю одежду, выбираю ее лагерную футболку пятилетней давности и шорты и одеваюсь. И то и другое впору – здесь я чувствую себя вполне комфортно, лучше, чем дома.

В животе по-прежнему урчит. Оставляю Чайну досыпать, а сама спускаюсь вниз, в кухню. Время приближается к полудню, но я насыпаю в чашку хлопьев, сажусь к столу и наливаю молоко.

В доме Тейтов сегодня непривычно тихо. Смотрю на часы на стене напротив, слушаю, как они отсчитывают секунды. Интересно, какой разной может быть тишина. У меня дома она напряженная, заполненная невысказанной печалью и отсутствием мамы, такая давящая, что, кажется, вот-вот разорвет собой стены. В доме Чайны тишина – долгожданная гостья, тихая гавань. Я расслабляюсь, наслаждаясь минутами покоя в одиночестве и не чувствуя нависшей над головой тучи, но продолжается это недолго – раздаются шаги, дверь открывается.

Увидев меня за столом с чашкой хлопьев в такое время дня, Исайя вздрагивает от неожиданности. Бросив мне улыбку через плечо – зубы у него неровные, и это так мило, – он открывает холодильник.

– Доброе утро, Ванс. Похмелье не мучает?

– Даже не знаю. – Я сосредоточенно смотрю в потолок, пытаясь решить, как все-таки себя чувствую. Все как-то подозрительно в порядке.

– Тебе повезло. Я свои семнадцать пропустил, да и печень у меня стальная. Поэтому сам больше не пью, – ворчит Исайя, доставая «Гэторейд» и бутылку воды и закрывая холодильник. В нем есть что-то располагающее – может быть, дело в том, что он, при своих шести с лишним футах, возвышается надо мной, как и полагается старшему брату. Я приняла семью Чайны как свою собственную, и, к счастью, они не возражали. Для меня Тейты – идеальная семья, целиком и полностью.

– Я была пьяная? – спрашиваю я, хотя и знаю уже ответ, потому что ясно помню все события прошлого вечера.

– Вообще-то, нет, просто мегазанудливая, – говорит Исайя, и его рот растягивается в широкой саркастической ухмылке. – В машине ты постоянно тянулась к приемнику, хотела сменить музыку. *Никому не позволено выключать Тупака*, поэтому радуйся, что я не выкинул

тебя из машины. – Он подходит к столу и протягивает мне влажную и холодную, как лед, бутылку воды.

– Выпей.

В кухню, волоча тапочки по деревянному полу, вваливается Чайна. Вид у нее такой, словно она попала на автостраде под мчавшийся на полной скорости грузовик, но чудом выжила и вот теперь притащилась сюда, чтобы рассказать нам свою грустную историю. Голова норовит упасть то в одну, то в другую сторону, и Чайна с трудом держит ее прямо.

– Хочу умереть, – с мрачной серьезностью объявляет она.

Плечи у Исайи трясутся от смеха, он издает какие-то странные, словно кудахчет, звуки, но при этом поступает единственно правильно и протягивает сестре «Гэторейд». Разница в росте между ними впечатляющая, и рядом с братом Чайну легко принять за ученицу начальной школы.

– А ты вроде в порядке? Как же так? – Чайна вопросительно смотрит на меня и залпом, будто у нее пожар в горле, проглатывает полбутылки. – Ты же точно пила никак не меньше меня.

Пожимаю плечами; мне и смешно, и жалко подругу.

– Наверно, Харрисон помог протрезветь. – Отчасти так оно и есть. Нам было хорошо, но ничто не действует на меня так отрезвляюще, как волна паники, обрушивающаяся с осознанием того, что парень хочет настоящих отношений. Даже теперь при мысли об этом сердце пускается вскачь.

– Ага, понял, мне лучше уйти. – Исайя достает из холодильника еще одну бутылку «Гэторейда», берет из шкафчика большой пакет чипсов, поворачивается и быстренько выходит из кухни. Понятно. Боится, что его втянут в девчоночий разговор, – и правильно делает.

Несколько секунд Чайна молча смотрит на меня большими глазами. Как всегда, ей хочется узнать последние новости и посплетничать, и, хотя самочувствие оставляет желать лучшего, она заметно оживает.

– Так что у вас с Харрисоном случилось? Давай, выкладывай!

– Ну, мы пообжимались, но…

– Нет, нет. Ну почему обязательно *но*?

– Мне придется завязать с ним сегодня, – говорю я. Ходить вокруг да около бессмысленно – ситуация такова, какова она есть. Все всегда кончалось одинаково в той или иной точке. Временное, преходящее – в этом смысл флирта. Продолжать встречаться с кем-то, кому мало того, что есть, я не стану. Сама мысль об этом нестерпима.

Чайна едва не давится водой.

– Что? Уже?

– Пригласил поехать с ним на Мэд-ривер-маунтин покататься на лыжах, – сообщаю я. – Это ведь серьезно, да? Поехать чьей-то девушкой.

Провожу пальцами по волосам – они наэлектризовались и прилипают к коже, словно какие-то чудные магнитики. Стараюсь смотреть на Чайну, но это трудно, потому что я знаю – она меня не понимает. Ей в жизни повезло – даже смерть домашнего любимца испытать не пришлось. В семье все живы и здоровы, в том числе близкие и дальние родственники, а единственные похороны, на которых ей пришлось присутствовать, это те, на которых я сидела в первом ряду. Чайне неведомо, каково это – терять близких. По-моему, отношения с людьми она принимает как данность, но в этом ее вины нет. Иначе и быть не может.

– А что плохого в том, чтобы поехать с ним? – Она буравит меня своими карими глазами, и я вижу в них невинность и неспособность посмотреть на всю ситуацию с моей точки зрения. Уж и не знаю, сколько раз я говорила подруге, что совершенно не намерена заводить с кем-либо отношения, но таких слов, которые убедили бы ее, похоже, так и не нашла. – Харрисон,

по крайней мере, симпатичнее других ребят в команде, – говорит она. – И тебе же нравится быть с ним, разве нет?

Так бы и запустила в нее пустой чашкой – каким бы симпатичным ни был парень, этого недостаточно, чтобы заставить меня передумать, – но я сохраняю спокойствие. Даже смеюсь. Легко и фальшиво.

– Ох, перестань. Ты серьезно думаешь, что я стану встречаться с Харрисоном Бойдом?

Чайна задумчиво морщит лоб.

– Ладно, ты, наверно, права. Общего у вас не так уж и много.

– И вообще, он бывает такой скучный. – Я пожимаю плечами, соскальзываю со стула и поправляю на себе футболку. – Уж лучше найти кого-то новенького – это куда интересней. – Пора перевести разговор на другую тему. – Как думаешь, Дрю Камински сейчас не занят?

Чайна берет меня под руку, усмехается, и от этой усмешки лицо ее вспыхивает, отчего она становится более похожей на себя саму.

– Ну, чтобы это узнать, есть только один способ, разве нет? – смеется она. Вот почему я люблю Чайну. Пусть не всегда согласна с моими выходками, но никогда не осуждает меня за них. Мы молоды. У нас вся жизнь впереди. Мы вольны поступать так, как хочется. Мы сами принимаем решения, и то, что мы подруги, не означает, что мы всегда выбираем одно и то же.

– Подожди. – Чайна тянет меня к холодильнику и принимается опустошать его, загружаясь самыми разнообразными продуктами, от сыра до цыпленка. – Надо поесть, пока не умерла от истощения.

За последние два года мне как-то разонравилось приходить домой. Дом больше не воспринимается как дом. В нем нет больше того ощущения тепла и безопасности, как было при маме. Осенью и зимой по вечерам везде зажигались свечи, и в каждой комнате пахло корицей. А еще она всегда пела – когда занималась йогой, когда готовила на кухне, когда рисовала. Без нее в доме не стало атмосферы. Вот почему я предпочитаю ночевать где-то еще, принимая легкую любовь чужой семьи. Хотя, конечно, дело не только в этом. Каждый раз, приходя сюда, я мгновенно вступаю в схватку с неловким молчанием, затаившимся во всех уголках дома. И даже если я не прихожу сюда, молчание не исчезает, оно здесь. Иногда мне хочется, чтобы папа *хоть раз* побеспокоился, где же его дочь. Спросил, где я была и с кем. Но ему, похоже, совершенно все равно.

С крыльца машу Чайне рукой – она привезла меня домой и уезжает. На мне по-прежнему ее одежда, а моя собственная, в которой я была на вечеринке, лежит в большом хозяйственном пакете. Волосы в беспорядке – душ я не принимала. Выгляжу так, будто из помойки выбралась, но в таком виде я возвращаюсь домой не впервые, так что соседям не привыкать. Миссис Хан, старушка, живущая рядом, недовольно морщится и, встретившись со мной взглядом, снова берется за лейку, так что я даже не удостаиваю ее улыбкой. Стискиваю зубы и толкаю дверь. В доме тихо, пахнет застоявшимся дымом. И это тоже стало теперь привычным.

Я иду на кухню. Отец сидит, сгорбившись, за обеденным столом, заваленным туристическими справочниками, листками и пачками сигарет. Перед ним открытый ноутбук, и свет экрана отражается в стеклах его очков.

– Ванесса, – говорит он, не поворачивая головы, и жестом подзывает меня к себе. Я остаюсь на месте. – Подойди и оцени эти картинки. Утесы Мохер. Разве они не восхитительны? – Он наклоняется к экрану.

Но я уже видела их раньше. И ему, вообще-то, не нужно мое мнение об Утесах Мохер или каких-либо других природных чудесах Изумрудного острова.

– Я дома, папа, – громко и внятно объявляю я, так что не слышать меня он не мог, однако ж и глазом не моргнул. Как щелкал по клавишам, так и продолжает. Даже не посмотрел в мою сторону. – Меня не было всю ночь. Ходила на вечеринку. Пила, – продолжаю объяснять, но в

промежутках между словами сдерживаю вздох. Знаю, он не слушает. Я как будто обращаюсь к кирпичной стене. – Даже слишком много. – Я преувеличиваю, чтобы добиться хоть какой-то реакции. Наверно, могла бы сказать, что совершила тяжкое преступление, а он бы и бровью не повел. Оставив бесполезные попытки добиться какого-то отклика, подхожу к обеденному столу. – Так что в них такого особенного, в этих утесах?

Отец тянется за ручкой и быстро рисует что-то в блокноте. Я замечаю его ногти, и меня передергивает – давно не стриженные, желтые от никотина, неухоженные. Блокнот тот же самый, старый, заполненный записями, которые он делает последние несколько месяцев, планируя идеальное путешествие по Ирландии. Хочет, чтобы мы отправились туда следующим летом.

– Твоей маме это бы понравилось. На автомобиле до Дулин-кейв можно доехать за двадцать минут, так что оба места можно посетить в один день. Смотри. – Так и не ответив на мой вопрос, он разворачивает ноутбук экраном ко мне. На фотографиях гранитные скалы над ясным синим морем под лучами солнца. Сомневаюсь, что на самом деле все выглядит точно так же. Разве в Ирландии бывает столько солнца? Неужели?

– Отличный план, пап, – говорю я и выдавливаю из себя улыбку, выглядящую на моем лице невыносимо фальшивой. Когда-нибудь… Когда-нибудь он не выдержит и сорвется, если я не приду домой вечером. Когда-нибудь ему придется поступить так, как и надлежит поступать отцу. И вот тогда-то я и скажу ему: *Извини, папа, ты прав. Ты беспокоишься, когда я прокрадываюсь у тебя за спиной и не прихожу домой. Я больше так не буду.* Да вот только не беспокоится он ничуточки, и в этом вся проблема. Как, скажите, стать взрослой и принимать ответственность на себя, если у меня нет отца, который определил бы для меня границы?

– Вот и хорошо. Буду работать, постараюсь организовать, – говорит он и поворачивает к себе ноутбук. Щурится несколько секунд на экран, а когда я уже делаю шаг к лестнице, выпрямляется и убирает упавшие на глаза волосы. – Так ты была на вечеринке?

Надо же, услышал.

– Да. И очень даже отвязной. – Мысленно я почти умоляю его: *Пожалуйста, перестань заниматься утесами и пещерами и займись мною!* Мне отчаянно нужно, чтобы он остановил меня. Чтобы как-то реагировал на меня. Чтобы сделал что-то нормальное.

– Это хорошо. Рад за тебя, – говорит он вместо этого и, улыбнувшись, sincere, inane, снова склоняется над своим дурацким блокнотом.

Смотрю на него и не верю своим глазам.

Вид у отца такой, будто он уже забыл, когда в последний раз принимал душ. Пахнет от него соответственно. Грязные волосы всклокочены и раз за разом лезут ему в глаза. Не брился он, наверно, недели две, и щетину уже можно назвать бородой, разросшейся чуть ли не на все горло. И почему только я раньше не замечала, как сильно он похудел? Сколько фунтов он потерял? Застиранная, с обтрепавшимися манжетами рубашка висит на изнуренном теле, как балахон. Я уже не помню, когда он покупал себе новые джинсы или ходил в парикмахерскую.

Отец ушел так далеко, так заблудился в собственной голове, что словно и не замечает меня больше. Я для него – пустое место. Сколько раз за последний год я не приходила домой на ночь, и даже когда он понятия не имел, где я, это не могло вывести его из сумрачного мира и обратить на меня внимание. Стискиваю зубы, сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладонь, выхожу из кухни и поднимаюсь в свою комнату. Знаю, что веду себя вызывающе, но он и этого не замечает.

Тру виски и бросаю в угол пакет с грязной одеждой. Постель застлана – со вчерашнего утра. Из комнаты Кеннеди доносится сладкий голос Джастина Бибера. Я-то думала, Бибер давно уже не в тренде, но нет, только не для Кеннеди. Выхожу в коридор, толкаю дверь в ее комнату и, не постучавшись, переступаю порог. Стучаться у нас не принято. Мы же *сестры*.

Мы вместе, пока мне не исполнилось лет, наверно, восемь, принимали ванну, так что друг с дружкой не стесняемся.

Кеннеди сидит у туалетного столика, красит ногти красным лаком под точечным светильником. На подоконнике спит, свернувшись, Табби, наша полосатая кошка. Сестру она обожает, а вот меня по какой-то неведомой причине презирает. Кеннеди подпевает Биберу, но, заметив меня, умолкает и поднимает голову. В первую секунду она как будто даже удивлена.

Я тоже.

Падаю со стоном на кровать, вытягиваюсь на животе и подтаскиваю подушку.

– Если папа еще раз заговорит со мной про Ирландию, говорю тебе – я уйду из дома. Ты со мной?

Кеннеди понимающе улыбается через плечо и продолжает красить ногти. Даже музыку приглушить не потрудилась.

– Где была всю ночь? – спрашивает она, и в ее голосе я улавливаю как любопытство, так и сомнение. Что ж, по крайней мере, хоть кому-то в этом доме небезразлично, жива ли я еще или валяюсь холодная и мертвая в какой-нибудь канаве. Пусть даже этот кто-то моя младшая сестренка. Ей всего лишь четырнадцать, но она просто невероятно сообразительная для своего возраста.

– На вечеринке.

– И? – не отстает Кеннеди и, сунув кисточку в пузырек, поворачивается лицом ко мне. – Целовалась с кем-нибудь? – Она смотрит на меня большими глазами, потому что уже знает ответ.

– С Харрисоном Бойдом. Снова. – Напрямую о Харрисоне я ей не говорила, но она и так знает, что последние два месяца я кручу с ним. Какие секреты могут быть в школе? Слухи разлетаются здесь мгновенно.

– Уууууууу, – визжит она, как будто нас с Харрисоном что-то ждет впереди. Чепуха. Ждет нас только то, что каждый из нас пополнит список «бывших» другого.

В кармане гудит телефон. Я достаю его, и грудь немножко сжимается – на экране высвечивается имя Харрисона. Ну, конечно.

– На тебе. Наверно, сама и вызвала.

Только проснулся а уже думаю о тебе. Вечеринка была класс. Не хочешь повторить как-нибудь? У меня дома. Дам знать, когда предки уснут.

– Вызвала, чтобы сказать что? – спрашивает Кеннеди. Судя по тому, как горят у нее глаза, она надеется, что Харрисон вот-вот объявит о своей вечной и неодолимой любви ко мне или о чем-то в таком же духе. Сестра у меня безнадежно отравлена романтикой с самого раннего детства, а все благодаря увлечению Синдереллой. В ее представлении каждый улыбнувшийся мне парень – мой потенциальный жених.

– Хочет встретиться вечером, – говорю я, но не упоминаю об остальном. Есть вещи, говорить о которых с младшей сестрой я не могу, и одна из них – это то, чем мы с Харрисоном занимаемся за закрытыми дверями. Ни-ни.

Она сверлит меня взглядом.

– Так ты с ним встретишься?

– Да, но только для того, чтобы все закончить. – Я пишу ответ, царапая ногтями по экрану. Ответ короткий и простой: *Может, просто прокатимся?*

– Что? – Кеннеди вскидывается, явно возмущенная моим решением. – Да ты что? Он же такой офигенно крутой! А кроме того, если вы будете вместе, ты сможешь свести меня с его братом. И мы ходили бы на двойные свидания. И вместе поехали бы на каникулах на Багамы. – Взгляд ее уходит вдаль, воображение погружается в невинные фантазии. Я все еще держу телефон в руке, смотрю на экран, покусываю губу и жду ответа от Харрисона. Поймет ли он по моему сообщению, что что-то случилось, что я не проявляю обычной пылкости.

– Ты права, парень он крутой, но следи за языком. – Я бросаю на сестру укоризненный взгляд. – И потом ты еще слишком мала, чтобы встречаться с кем-то.

Кеннеди закатывает глаза и дует на свежекрашенные ногти.

– Ладно, папочка.

Ирония здесь в том, что отец никогда бы не упрекнул ее за случайно брошенное крепкое словечко. И дело не только в этом, а и в том, что по меньшей мере два последних года я взяла на себя все родительские обязанности. Не кому-то, а мне пришлось бежать за целую милю в аптеку за гигиеническими прокладками, когда у сестры случились первые месячные и она в истерике спряталась в ванной. И я же отправилась с ней в «Таргет» за учебными принадлежностями и обновками перед началом первого учебного года в средней школе. Я обнимала и утешала Кеннеди после ее первой романтической трагедии, когда она вбила себе в голову, что уже никогда-никогда не будет снова счастлива. Я убеждала ее в обратном, хотя и знала, что мы обе навсегда остаемся с разбитым сердцем. И вовсе не из-за мальчиков.

Мама умерла, а папа, хотя и присутствовал в доме физически, эмоционально сошел на ноль.

Кеннеди поворачивается к зеркалу, внимательно изучает ногти, проверяет, не осталось ли пятен. Она не знает, но после смерти мамы я дала себе обещание, что всегда, что бы ни случилось, буду оберегать и защищать сестру. Больше это делать некому.

Снова гудит телефон.

Мне нравится ход твоих мыслей… Заеду в девять.

– Пап, я ухожу.

Короткий взгляд через плечо. Он стоит на кухне. На столе открытый ноутбук, на плите кастрюлька с лапшой. Каждый раз, когда он смотрит на меня, я вижу полную пустоту во взгляде.

– Обедать будешь?

– Уже поела, – отвечаю я, пожимая плечами. Похоже, он даже не заметил спагетти с фрикадельками, которые я час назад разогревала в микроволновке в пятнадцати футах от него. Готовить я бы не стала, даже если бы умирала от голода, и в ближайшее время никаких улучшений в этом отношении ожидать не приходится, но я, по крайней мере, кормлю нас с Кеннеди разогретыми полуфабрикатами, а это в любом случае лучше того, что может предложить отец. – И Кеннеди тоже.

– Ааа… Так вы, ребята, уже поели? Ладно. – Отец снова поворачивается к плите и молча продолжает помешивать. Когда-то его звонкий, радостный голос наполнял весь дом, так что я даже злилась, если он говорил слишком долго. Сейчас я отдала бы все на свете только за то, чтобы услышать, как он рассказывает об облаве на наркодилеров, о своей мечте купить однажды «Порше-911» или о том, как он снова победил своих друзей в турнире по покеру.

Я не спешу уходить, задерживаюсь, жду чего-то и чем дольше жду, тем больнее на душе. Почему он не может просто предупредить меня, чтобы не задерживалась допоздна? Напомнить, что утром мне в школу? Ни предупреждения, ни напоминания. *Ничего*.

Вроде бы давно привыкла к этому *ничего*, но мне все равно больно, когда я сталкиваюсь с ним вот так, как сейчас. Поэтому тоже молчу. Беру ключи, надеваю стоящие у двери поношенные кеды «конверс» и выхожу из дома. На часах начало десятого, и Харрисон, конечно, уже на месте. Мотор его грузовичка урчит, фары освещают улицу. Знаю, Харрисон ждет меня, и от этого вся ситуация раздражает еще сильнее. Но мне не впервой разбивать парню сердце; это даже стало своего рода рутиной. Я должна защищаться, но и о нем постаралась не забыть. Никакого макияжа, усталые, запавшие глаза, небрежно собранные в «хвост» волосы. На мне старенькая, на три размера больше нужного, толстовка с дыркой на рукаве и бесформенные

джинсы. Ни намека на парфюм. Думаю, ему будет легче и не так обидно, если я буду выглядеть как оборванка.

Бреду, как сонная, через нашу лужайку, тяну на себя дверцу, открываю, забираюсь на пассажирское сиденье и только потом поднимаю голову. Господи, как же права Кеннеди. Харрисон шикарен, как греческий бог. К горлу поднимается стон, но я загоняю его внутрь. Ну почему его не устраивает то, что есть? Почему ему мало просто тусоваться? И вот теперь мне приходится отказываться от этих ясных голубых глаз, крепкой, словно из камня, груди и песочных блондинистых волос.

– А мне нравится… такая легкая небрежность, – говорит Харрисон, окидывая меня оценивающим взглядом. В школу я одеваюсь без претензий, но терпеть не могу выглядеть грязной и неряшливой. – Тебе идет. Такая юная, милая…

– Что? – Я-то как раз стараюсь добиться противоположного эффекта. Сижу в напряженной позе, с прямой спиной, едва повернувшись в сторону Харрисона. Смотрю на него, прищурившись. Может, поймет по моему резкому тону, что я не глупостями пришла заниматься. – Ты серьезно считаешь, что я выгляжу клево без ресниц?

Харрисон хмурится – мое настроение его не разочаровывает.

– Ты сегодня не в духе. Но это дело поправимое.

Неужели не видит, что я не настроена развлекаться? Неужели не заметил, что я даже не улыбнулась ему, как обычно? Не положила руку ему на бедро?

– Поедем в Херитидж-парк, подходящее местечко, – говорит Харрисон и трогается с места.

Отлично. В Уэстервилле Херитидж-парк, на окраине города, – любимое место молодежи, где по уик-эндам половина старшеклассников проводят время на заднем сиденье маминых автомобилей. У Харрисона, по крайней мере, машина своя. Но разве это имеет какое-то значение? Сегодня у нас ничего не будет, это точно. Не потому что я не хочу, а потому что твердо намерена не давать Харрисону ложной надежды на что-то большее, чем поцелуи под покровом темноты.

– Харрисон… – говорю я, но он не слышит, потому что уже включил музыку. Кладет руку мне на колено, а я смотрю на костяшки его пальцев и ничего не могу с собой поделать. Кладу ладонь сверху, сплетаю наши пальцы. Другой рукой глажу его по волосам. Ничего, если я поцелую его еще разок? Прошлым вечером я сказала себе – все, никогда больше, но сегодня уже ненавижу себя за то, что вообще влипла в такую ситуацию.

– Ну как, понравилась вчерашняя вечеринка? – спрашивает Харрисон, прерывая затянувшееся молчание. Вообще-то мы не разговариваем по-настоящему, только флиртуем. Я мало знаю о нем, кроме того, что он Харрисон Бойд, что играет в футбольной команде, что мы учимся вместе и что он, должно быть, умен, потому что я никогда не видела, чтобы он провалил тест. Ни о чем серьезном и важном мы не говорим. По-настоящему я его не знаю. Как и он не знает меня.

Смотрю на свою руку на его руке, изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не флиртовать, не завести его.

– А тебе?

– Да.

Снова неловкое молчание. Мы оба как будто ждем того момента, когда сможем прильнуть друг к другу, потому что не умеем общаться трезвыми, без обнимашек-потискушек.

Отсюда и вопрос: почему Харрисон вообще приглашает меня кататься на лыжах? О чем бы с ним говорили? Не холодно ли там?

По привычке поднимаю его руку, подношу к губам и целую ободранные костяшки пальцев. Понимаю, что не должна так делать, но ведь мне будет этого не хватать. Пока есть возможность, ею надо пользоваться. Харрисон ведет одной рукой, другую предоставил в мое рас-

поражение. Время от времени посматривает на меня краем глаза, и взгляд этот обжигает все сильнее.

Добравшись до Херитидж-парка, сворачиваем на тихую дорожку, ведущую к уединенной парковочной стоянке с одним-единственным автомобилем. Фары потушены, внутри темно, только какие-то тени. Я отвожу взгляд. Пикап медленно останавливается, под колесами хрустит гравий. Знаю, что сказать надо прямо сейчас, пока дело не зашло слишком далеко, но тут его жадные глаза встречаются с моими, и я даже не сопротивляюсь.

Отпускаю его руку, тянусь к нему, прижимаюсь губами к его губам. В другом мире, том, где я не считала бы, что все отношения обречены с самого начала, и не боялась потерять того, кого люблю, я бы, наверно, была более открытой и постаралась узнать Харрисона получше. Может быть, даже обрадовалась бы возможности поехать вместе с ним на лыжную базу.

Харрисон, может быть, знает меня не очень хорошо, но он точно знает, что и как нужно делать. Его пальцы путаются в моих волосах, его ладонь на моей талии, он тянет меня к себе.

Мы впервые делаем это в его машине, и мне тесно в ней и неловко. Неуклюже перебираюсь к нему на колени. Как, интересно, у других все так ловко получается? Я зажата между его грудью и рулем и совершенно не представляю, как в таких условиях можно что-то делать. Впрочем, напоминаю себе, меня это сейчас не касается. Никаких игр с соблазнами и искушениями. Сегодня у нас с Харрисоном ничего не будет.

– Послушай, – говорю я в паузе между поцелуями. Придерживаю пальцами его подбородок, не даю ему приблизиться и накрыть мои губы своими.

Его руки уже пробираются под мою толстовку, ласкают грудь. На его губах та сексуальная усмешка, что появляется сама собой каждый раз, когда мы трогаем друг друга. Он тычется носом мне в шею, его дыхание горячит кожу, губы прокладывают дорожку сверху вниз.

– Харрисон, – снова начинаю я, но получается что-то похожее на стон. Откидываю голову, открывая ему шею и закрываю глаза. Его губы… его руки… так хорошо…

Нет, мне надо остановиться.

Я отталкиваю его. Он смотрит на меня – губы раскрыты, глаза блестят.

– Послушай, – говорю я и наконец выдаю: – Мы больше не можем быть вместе. Все кончено. Между нами.

Я больше не чувствую тепла его рук. Тишина. Слышно только, как глухо колотится его сердце. Он растерянно моргает, как будто не совсем понимает, что я сказала.

– Ты о чем?

– Мне очень жаль, – говорю я, и это правда. – Но я не могу… не хочу встречаться с тобой.

Харрисон ворочается, сталкивает меня с колен, словно я какой-то присосавшийся к нему паразит. Я сдвигаюсь на пассажирское сиденье, а он сжимает руль и стискивает зубы, играет желваками.

– Это из-за лыжной базы? – цедит Харрисон с неприятной, горькой ухмылкой, совершенно мне не понятной. – Да только я не приглашал тебя туда как на свидание. – Он усмехается, будто я сморозила какую-то глупость. – Я только хотел, чтобы мы там оторвались. А про свидания у меня и мыслей не было.

Ох…

Так, значит, он и не хотел, чтобы наш флирт стал чем-то большим, чем есть. Почему же я вообразила что-то другое? Все могло бы продолжаться, как было, но теперь, после моих неосторожных слов, ситуация сложилась неловкая. Складываю руки на груди, сажусь ровнее, пытаюсь понять, как быть дальше. Надо же так лажануться.

– И даже если бы я хотел *встречаться* с тобой… – продолжает Харрисон и наклоняется ко мне. – Как же так получилось, что запрыгиваешь ко мне в машину, целуешь меня, а потом говоришь, что все кончено? А, Ванесса? – Харрисон злится, глаза больше не блестят, и он уже не тот сексуальный, уверенный в себе футболист, которого я считала неотразимым всего

лишь несколько секунд назад. – И если ты думаешь, что бросить меня так легко, то тут ты ошибаешься.

– Остынь, – спокойно говорю я, хотя от его слов мне становится не по себе. Даже не могу заставить себя смотреть ему в глаза. – Я неправильно что-то поняла. Случается. Почему бы не вернуться к тому, что было?

– Ну уж нет. Давай-ка, Ванесса, выметайся отсюда. – Он указывает на дверь, и за спиной у меня щелкает замок. Ошарашенная, выглядываю наружу. Та, другая, машина все еще на прежнем месте, но никого больше поблизости не видно. Темно, поздно, и до дома несколько миль. Смотрю, нахмурившись, на Харрисона.

– Что? Ты меня из машины вышвыриваешь?

– А ты серьезно думаешь, что я повезу тебя домой? После того как ты мне здесь голову задурила? Ну уж нет. Ты ж сама сказала, что между нами все кончено. – Он отрывисто хохочет, качает головой и поворачивает ключ зажигания.

Смотрю на свои лежащие на коленях руки, и пальцы сжимаются в кулаки. Как он смеет?

– И что же ты без меня будешь делать? – Я тоже начинаю злиться.

– Думаешь, ты у меня единственная? Да у меня таких в телефоне… – бормочет он себе под нос, но так, чтобы я услышала. И я, конечно, слышу.

После такого оставаться с ним в машине уже невозможно. Я распахиваю дверцу, но прежде чем выпрыгнуть из кабины, выхватываю из «бардачка» пригоршню оберток от фаст-фуда и швыряю их в Харрисона. *Ушлепок*. Едва успеваю захлопнуть дверцу, как грузовичок, разбрасывая гравий, срывается с места. Бросаю камень ему вслед, но он уже исчезает в темноте. Провожаю взглядом тающие огоньки и тяжело вздыхаю. Никак не ожидала, что Харрисон так со мной поступит.

Сажусь на гравий, смотрю на стоящую вдалеке машину. Чем там занимаются, догадаться нетрудно. Выгляжу, наверно, как какая-то извращенка. Полагаться на отца как на спасителя не могу, поэтому звоню Чайне, но она не отвечает. Набираю еще раз – снова мимо – и вдруг понимаю, что других вариантов у меня нет. Иногда я даже жалею, что старшая из нас двоих не Кеннеди, тогда бы она могла выручать меня в таких вот ситуациях. Увы, водить сестра пока еще не может.

Эх…

Красавчик, Харрисон. Бросил меня черт знает где. Я уже чувствую себя идиоткой из-за того, что согласилась встретиться с ним сегодня. Обхватываю голову руками – что же делать? Я в парке, и до выхода из него никак не меньше мили. Идти туда одной страшновато. Здесь, на парковке, у меня какая-никакая компания. Снова бросаю взгляд на машину. Может, все-таки попросить о помощи? И тут в кармане гудит телефон. На экране – к огромной моей радости и облегчению – вспыхивает имя Чайны.

Не задавая лишних вопросов, подруга обещает быть на месте через пятнадцать минут.

Приезжает она уже через десять. Я забираюсь в машину и, видя перед собой вопросительно вскинутые брови, исторгаю из себя только четыре слова:

– Чтоб тебя, Харрисон Бойд.

Глава 3

– Слышала, кто-то разбил однажды их суперлюбимую вазу, и ее родители просто взбесились, – рассказывает Чайна, пытаясь, сама того не замечая, еще и жестикулировать. Привычка вредная, конечно, и каждое утро я думаю, что добром дело не кончится, поскольку руль она практически не держит. – И что если они вернутся сейчас из своей поездки и запретят принимать вечеринки? Ты только представь. Как жить без тусовок у Мэдисон Роуми? Это же просто Уэстервилльская трагедия. – Она прикладывает ладонь к груди в пародийном жесте скорби, и я едва успеваю схватить руль и отвернуть в сторону, избежав встречи с уличным фонарем.

– Знаешь, что будет еще большей трагедией? Если нас сомнет какой-нибудь грузовик, потому что ты вот сейчас пролетела на красный свет, – говорю я самым серьезным тоном. У меня самой есть водительские права, но нет пока приличной машины, а ездить в школу на стареньком папином драндулете я не хочу. Мама назвала его однажды «Зеленым Рыжиком» из-за ярко-зеленой окраски и ржавого бензобака. Кличка приклеилась, и с тех пор старичка все так и называют.

– Упс. – Чайна заливается краской и сжимает руль обеими руками. – Как думаешь, Харрисон с тобой разговаривать станет?

– Нет. Разве что будет метать убийственные взгляды в кабинете биологии. – Я пожимаю плечами и смотрю на ногти. Лак на одном держится из последних сил. – В любом случае между нами все кончено.

Наверно, поначалу будет нелегко и неловко, но школа достаточно велика, и избежать ненужных встреч можно при желании без особого труда. И коридоров в ней вполне хватает, чтобы выбрать альтернативный маршрут. Общий у нас сегодня только один урок, так что можно и потерпеть.

Мы въезжаем на школьную парковочную площадку и с ходу вкатываемся на свободное место, на считаные дюймы разминувшись с соседней машиной. Удержавшись от очередного выговора, хватаю рюкзак и осторожно, чтобы никому ничего не поцарапать, выскальзываю из машины. Когда мы придем сюда после занятий, под «дворниками», как обычно, будет записка – *научись парковаться, мелочь*!

– Надо бежать. У меня встреча с миссис Мур до занятий. Обещала помочь оформить заявление в колледж. Отловлю тебя потом. – Сунув под мышку папку, Чайна посылает мне с ладони поцелуйчик. Я ловлю его и засовываю в карман джинсов, а она поворачивается и бежит через двор.

Первый урок – в противоположном конце здания, так что я направляюсь к южному входу. Солнце еще низкое, утренний воздух свеж. Мне нравится. Зима, холод. Лето, оно невыносимое, но в Огайо баланс всегда восстанавливается, когда наша жуткая влажность сменяется снегом. Первые снежинки еще не упали, но скоро улицы заблестят белизной, покроются толстым ледяным одеялом, и от этой мысли внутри становится тепло и пушисто. Да, вот так.

Иду, опустив голову, смотрю на телефон и, наверно, в тысячный раз за утро обновляю странички соцсетей. Харрисон, после того как вытолкал меня из своей машины, никаких попыток выйти на связь не предпринял, а значит, мы с ним действительно подвели черту.

Я облегченно вздыхаю и поднимаю голову, потому что едва не столкнулась с Райаном Мэлоуном, общепризнанным гнусом нашего класса. Такой уж он есть. В десятом классе его даже отстраняли от занятий за то, что как бы *случайно* ввалился в девчоночью раздевалку.

– Привет, Ванесса, – говорит он, и я от изумления замираю на месте – раньше он не смел даже рот открыть, чтобы сказать мне хоть слово. Смотрю на него через плечо и вижу, как его губы кривятся в гнусной ухмылке, от которой мне тут же становится не по себе. С чего бы это

ему со мной заговаривать? – Я только хотел сказать… Ты там классно смотришься. Просто огонь.

Что? Судя по мерзкому тону, на невинный комплимент это никак не тянет.

– Отвали, Мэлоун. – Морщу от отвращения нос и запахиваю плотнее куртку, закрываясь от его голодного взгляда. Вот уж натуральный фрик. Прибавляю шагу и оставляю его позади – не хочу даже рядом быть с таким уродом. Успокаиваюсь только за дверью школы и сразу направляюсь к своему шкафчику. До звонка лишь несколько минут, и в коридоре полно народу, голоса не умолкают, все обмениваются впечатлениями о *потрясном* уик-энде. Похоже, главная тема – вечеринка у Мэдисон Роуми, на которой была по меньшей мере половина выпускного класса. А появление там парней из футбольной команды Уэстервилль-Сентрал и стычка с ними наших ребят дают дополнительный материал для серьезных обсуждений.

Но скоро я замечаю – что-то не так. Протискиваясь через толпу, чувствую на себе сотни глаз. Стараюсь не поднимать голову, убеждаю себя, что мне это только кажется.

Но нет, не кажется. Замедляю шаг, поднимаю голову, оглядываюсь. Но ясности это не добавляет. Вокруг все в движении, все спешат, возле шкафчиков собралось несколько групп – там горячо что-то обсуждают. Но снова и снова я ловлю на себе любопытные взгляды. Вижу ухмылки. Слышу приглушенные смешки за спиной. Несколько ребят из младшего класса, как по команде, поворачиваются ко мне и прыскают от смеха. Что за чертовщина?

Быстренько оглядываю себя на случай, если явилась в школу в одном только лифчике или забыла застегнуть «молнию» на джинсах – это, по крайней мере, объяснило бы странную реплику Мэлоуна, – но нет, ничего такого. Может, по школе уже разнеслась новость о нас с Харрисоном? Может, все уже знают, что он вышвырнул меня из машины и оставил одну в Херитидж-парке? Да, возможно, но масштаб новости слишком мелкий, чтобы вызвать такой эффект. Мы ведь все-таки не встречаемся по-настоящему, не ходим на свидания, да и вряд ли кого-то так сильно интересуют наши с Харрисоном отношения.

Опускаю голову и иду по коридору дальше, к шкафчику. Вожусь с замком, набираю комбинацию и чувствую, что сердце бьется все быстрее и быстрее. В девятом классе я приклеила к задней стенке зеркало, и оно часто служило палочкой-выручалочкой. Еще раз проверяю, как выгляжу, но ничего особенного не нахожу – волосы в порядке, макияж в порядке, одежда в порядке… все в полном порядке. Но тогда почему же все так странно на меня смотрят? И если подумать, то вот я прошла по всему коридору, и никто со мной не заговорил.

– А ты, похоже, круто оторвалась на вечеринке у Мэдди, – раздается у меня за спиной глубокий голос.

Оборачиваюсь так быстро, что ударяюсь локтем о металлическую дверцу, и оказываюсь лицом к лицу с Энтони. Рядом с ним Ноа, а за ним тесным полукругом стоят другие ребята из футбольной команды. Я прижата к шкафчику, и выхода нет. Чувствую себя как в ловушке, но не удивляюсь. Все они друзья Харрисона, и сейчас мне придется терпеть издевки и насмешки, как было уже, когда я завязала с Ноа. Такой уж у парней менталитет – тупой менталитет стаи.

– Ну, вообще-то да, – говорю я, и они все хихикают, и их смех гремит у меня в ушах глухим звоном. Смотрю на них недоуменно, а они многозначительно переглядываются, закатывают глаза и вообще ведут себя как полные придурки, каковыми и являются на самом деле. Но что в этом такого смешного? Чему они так радуются?

– Как же так, а? Мне-то ты стриптиз никогда не показывала, – говорит Ноа и наклоняется, выпячивая нижнюю губу, как обиженный ребенок. Он кладет руку мне на бедро и мерзко улыбается. – А ведь я бы со всем удовольствием, ты же знаешь. – Энтони и остальные давятся от смеха, гогочут и завывают так, что по коридору проносится гулкое эхо.

Стискиваю зубы и отбрасываю руку Ноа. Этот говнюк Харрисон рассказывает своим дружкам то, что совершенно их не касается. Конечно, я прекрасно знаю, о чем треплются

парни. Я и сама люблю посплетничать с Чайной, но все-таки… При одной лишь мысли о том, что теперь полкоманды знает кое-какие мои секреты, в животе словно затягиваются узлы.

Захлопываю дверцу шкафчика, обхожу громоздкого, как шкаф, Энтони и быстро иду прочь. Сердце бьется о стенку грудной клетки. Я совершенно выбита из колеи и плохо соображаю.

– О, вернись, Ванесса! – кричит мне в спину Ноа. Кричит на весь коридор, и его слышат, на нас смотрят. У меня горят щеки. – Энтони тоже хочет прокатиться на твоей карусели! Говорят, это что-то особенное!

Придурки. Ненавижу. Да, мне нравится пофлиртовать, и ничего плохого в этом нет, кроме того, что рано или поздно приходится отшивать парня, которому захотелось большего. Я могу выбирать, кого хочу. Это весело, интересно. Парни ведут себя так, словно у меня список в сотню имен, хотя на самом деле их лишь несколько. Нисколько не сомневаюсь, что тот же Ноа тусовался со столькими девчонками в нашей школе, что и не сосчитать, так что пошел бы он куда подальше со своими двойными стандартами. Придумала эти стандарты не я, но раз уж мир так устроен, ничего не поделаешь, приходится с ними жить. Надо только научиться не принимать близко к сердцу всякие шуточки на свой счет.

Да вот только сегодня они меня цепляют.

Иду по коридору и опять слышу это дурацкое словечко: *шлюха*.

Кто его произнес, я не поняла. Какая-то девчонка. Но выяснять сейчас, кому именно принадлежит голос, я даже не пытаюсь. Мысли смешались, и сосредоточиться не получается. Ясно только одно: что-то происходит. Что-то нехорошее. Я чувствую это в воздухе. Такое странное ощущение – я против целого мира. Будто вся чертова школа ополчилась на меня. Я беспомощна и беззащитна, и это хуже всего, потому что обычно бывает наоборот. Не знаю, откуда взялось это чувство, но мне хочется свернуться тесным клубочком и спрятаться.

В школе немало ребят, которых я при всем желании не могу назвать своими лучшими друзьями, но никогда еще это не проявлялось с такой очевидностью, как сегодня. С большинством у меня хорошие, доброжелательные отношения, поэтому и круг общения широкий. По крайней мере, так я думала до сегодняшнего дня. Сейчас обычно отчетливая линия между друзьями и врагами размыта. Круг закрыт. Все воспринимаются как враги.

Я сворачиваю за угол и облегченно вдыхаю, едва не столкнувшись с Чайной. Проход в одиночку по коридору дался тяжело, и у меня уже нет сомнений, что это все из-за Харрисона, давшего волю языку. Может быть, Чайна знает, что именно он рассказывает обо мне.

– Ох, слава богу. Я уже с ног сбилась – везде тебя ищу, – выпаливает подруга, и слова скатываются с ее языка со скоростью света. В глазах пляшет паника. Схватив за руку, она тащит меня в девчоночий туалет, и в этот же момент в коридоре начинает трезвонить звонок. Туалет быстро пустеет, но мы с Чайной остаемся.

– Тебе же встречаться с кем-то надо, разве нет? – спрашиваю я. Из коридора доносится знакомый шум, все разбегаются по классам. Я для себя уже решила, что опоздаю на биологию. Чайна не отвечает, но хватает меня за плечи, прижимает к стене и с беспокойством и даже тревогой всматривается в мои глаза.

Да что же происходит?

– Ты хочешь пропустить урок? Я с тобой. И вообще, давай уедем из Уэстервилля. Переберемся в Колумбус и… – Она останавливается, качает головой. – Или рванем в Кливленд. Да куда угодно, только бы не оставаться здесь. Хороший план, а? Как тебе?

– Эй, полегче. – Я совершенно сбита с толку. Что ее так расстроило? Почему она так рвется уехать из родного города? – Ты почему пропускаешь урок?

Ее лицо меняется на маску ужаса.

– Господи. – Она роняет руки, сутулится и даже как будто становится еще меньше ростом. Голос едва слышен. – Так ты еще не видела…

– Чего не видела? – Сердце мечется в груди, слова скребут горло, словно наждачная бумага. Детали утреннего пазла начинают понемногу складываться, и страх пронзает меня и режет на кусочки. – Чайна? Чего я еще не видела?

– Вот дерьмо… – Чайна со стоном прислоняется к раковине умывальника и закрывает ладонями лицо, чтобы не смотреть и не видеть меня. – Думала, тебе пошлют первой… Извини. Я совсем не хочу показывать тебе это, но… – Она отталкивается от раковины, выпрямляется, достает телефон и несколько секунд молча пролистывает страницы. Потом протягивает телефон мне и снова извиняется. – Я за тебя покрышки Харрисону порежу.

Еще секунду или две я недоуменно смотрю на подругу, держа в руке ее телефон. Не знаю и даже не представляю, что там увижу, но к горлу уже подступает волна тошноты и дрожат руки. Сердце трепыхается, будто его смяли в пульпу.

Видео.

Я сглатываю, нажимаю кнопку «плей», и… воздух вырывается из легких. Это видео со мной. Запись с воскресной вечеринки у Мэдди Роуми. Как удар под дых. На видео я наверху, в той спальне, сижу на коленях у Харрисона Бойда. И улыбаюсь прямо в камеру, как последняя идиотка.

Сцена разворачивается у меня на глазах, и я чувствую, как холодеет лицо. Смотрю на Ванессу Мерфи, словно на какую-то незнакомку. Она встает с колен Харрисона и начинает танцевать под звучащую где-то на заднем фоне музыку. Поднимает руки, теребит волосы и медленно избавляется от одежды. Подбирается к Харрисону и… изображение расплывается.

– Дальше лучше не смотреть. – Чайна выхватывает у меня телефон. Оно и к лучшему. Я и не хочу смотреть остальное – сама знаю, что было дальше и что случилось в ту ночь. – Можешь мне поверить, там не так много всего, и в любом случае многого не увидишь, но…

В глазах темнеет от ярости.

– Так этот паршивец слил видео моего стриптиза? – Я едва не отрываю раковину от стены, хлопаю ладонью по замызганному, расколотому трещиной зеркалу.

И долго же он записывал? Меня переполняет злость. Кажется, еще немного, и я просто взорвусь здесь, в этом туалете. Как он мог? Как посмел поступить со мной так? Неужели и вправду так разозлился, что поставил целью опозорить меня, сломать мне жизнь? Я знаю, как такое бывает.

Когда несколько месяцев назад в Сеть попали голые селфи Кристен Роджерс, все только об этом и говорили. И я в том числе. Потому что если на линии огня оказался не ты, то такого рода вещи воспринимаются как развлечение. Люди могли сплетничать о моей сексуальной жизни, но я не была той несчастной девушкой, которая отправила свои личные фотографии плохому парню. Когда шли такие разговоры, я обычно закатывала глаза – ну какие ж они глупые, эти девчонки, – но теперь я оказалась на их месте, и мне совсем не до смеха. Нет, это страшно.

Теперь понятно, почему все вели себя так странно в коридоре. Потому что они знают. Они все видели – это я гарантирую. Новости такого рода распространяются со скоростью лесного пожара. Мое выступление видел весь Уэстервилль, а может быть, и весь штат Огайо. Или даже… Нет, об этом лучше не думать.

– Чайнаааа, – взвываю я, вскидывая руки, и начинаю дышать быстро-быстро. Надо успокоиться, выгнать поселившийся во мне страх. Подруга здесь ничем уже не поможет. Видео доступно всем. И мне нужно придумать, как выйти отсюда с поднятой головой, зная, что все в этой гребаной школе видели меня без одежды.

Но это далеко не самое худшее. Самое худшее то, что Харрисон, не имея абсолютно никакого права делиться с кем-либо интимным видео, тем не менее им поделился. Со всей школой. С моими самыми близкими друзьями. С людьми, которые едва знают меня. Со *всеми*. То доверие, что было между нами, разбито на миллион кусочков. Я не хотела отношений с ним,

но это не значит, что мне было наплевать на него. А ему определенно наплевать на меня, и если он смог поступить со мной вот так, значит, я *никогда,* с самого начала, ничего для него не значила. Потому что если бы он имел ко мне хоть капельку уважения, то не выставил на всеобщее обозрение наши интимные моменты.

Харрисон совершил предательство. Худшее из всех возможных.

Вытираю о джинсы влажные и липкие от пота ладони. Дышится тяжело, с натугой. Сердце трепещет. Голова идет кругом. И… все вдруг мутнеет, перед глазами плывут круги… Это что же, у меня на самом деле останавливается сердце?

Чайна кладет руку мне на плечо.

– Харрисон такой говнюк. – Она сочувственно улыбается. – Между нами, девочками, ты офигительно зажгла на этом видео.

Комплимент не вполне уместный, но за это я и люблю ее. Вот поэтому мы лучшие подруги. Никто никого не осуждает. Никогда.

Я тоже улыбаюсь ей, хотя внутри все хрустит и осыпается. Лишь напряжением всех сил мне удается устоять на ногах и не свалиться на грязный пол.

– Если есть на свете что-либо хуже, чем утечка в Сеть твоего секс-танца, то это утечка в Сеть твоего *плохого* секс-танца. Так что могло быть хуже, верно? – Стараюсь держать марку и демонстрировать хладнокровие, но внутри все трясется от шока. И я не верю собственным словам – на самом деле все так плохо, что хуже и быть не может.

Глаза повлажнели от слез, готовых в любой момент выплеснуться на щеки, но я приказываю себе не распускаться. Эмоций так много и они такие разные, что сосредоточиться получается только на одной. И это – гнев. Надо найти Харрисона, думаю я и внезапно понимаю, что точно знаю, где он сейчас.

– Он в кабинете биологии, – говорю я и, прежде чем Чайна успевает что-то сказать, вылетаю из туалета в коридор.

Чувствую себя преданной, и это чувство пульсирует во мне, добавляет легкости шагу.

Парням все сходит с рук. На видео не только я, но и Харрисон, но до него никому дела нет, его никто будто и не замечает. Все видят – и осуждают – только меня. Осуждают за то, что я закрутила с ним на той вечеринке. Осуждают за то, что я люблю повеселиться. Конечно, они и без того все знали. Но теперь у них есть доказательство. Есть что-то такое, что они могут использовать против меня. Что-то, чем они могут воспользоваться, чтобы сломать Ванессу Мерфи. А этого многие ждут давно. Я точно знаю, что девушки в нашей школе – даже те, кого я считаю подругами, – втайне недолюбливают меня из-за популярности, которой я пользуюсь у ребят. Никогда не задумывалась об этом, но, наверно, причина в их неуверенности, ревности и страхах. Впрочем, кто знает? Не хочу никого обидеть, но и играть в эти игры не собираюсь. Что же касается парней… Некоторых раздражает уже то, что я никогда и не посмотрю в их сторону, другие злятся из-за того, что не они, а я решала, когда и как начинать и заканчивать. Я всегда получала то, что хотела, и это многих задевало. И вот теперь пришло время рассчитаться. По крайней мере, для них. Теперь они могут объединиться против меня, воспользовавшись тем, что обстоятельства сложились не в мою пользу.

Иду по коридору все быстрее и быстрее. Мне нужно с ним разобраться.

– Ванс, подожди! – кричит Чайна, и ее обеспокоенный голос разбегается эхом между стенами. Но ждать я не хочу. Мне нужно добраться до Харрисона – и пусть меня потом привлекают за нападение на учащегося на школьной территории.

Я уже вижу кабинет мистера Ли. Гнев не утихает, адреналин шумит в крови, проносясь по венам. Толкаю дверь – передо мной море лиц, и все они поворачиваются ко мне, но я ищу среди них одно.

– Как любезно с вашей стороны, мисс Мерфи, наконец-то присоединиться к нам, – занудливо тянет из-за своего стола мистер Ли. – Займите, пожалуйста, ваше место, пока я отмечу ваше опоздание.

Я не смотрю на него и даже не слышу. Вижу только Харрисона – развалился за своим столом и уже медленно выпрямляется, заметив меня. Роняет руку, обменивается взглядом с сидящим рядом Энтони – и на лицах обоих мелькает паника. Наверно, думал, что я заливаюсь слезами в туалете. Надо признать, так оно и было. Именно этого он хочет – чтобы я спряталась, пристыженная и униженная, и не смела даже показаться перед одноклассниками.

– Давай, покажи нам, что умеешь! – подает голос Энтони и трясет передо мной грудью. По классу разбегаются смешки.

Сжав кулаки, иду через кабинет, огибая парты и не обращая внимания на летящие в мою сторону стрелы. Мой горящий взгляд нацелен исключительно на Харрисона, лицо которого бледнеет и как будто коченеет.

– Ванесс… – выдавливает он, но пощечина, звонкая, как удар хлыста, заставляет его умолкнуть.

– Я поговорила с директором Стоуном. Тебе очень повезло – могли бы отстранить от занятий, – сообщает, возвращаясь в свой тесный кабинетик, миссис Дилейни. Она – мой школьный консультант.

– То есть за самооборону исключить нельзя. Буду знать, – отвечаю я.

– Дело нешуточное, Ванесса. – Она бросает на меня строгий взгляд и садится напротив. Я смотрю на ее седые волосы и красные «кроксы». По-моему, миссис Дилейни слишком стара для должности консультанта в старших классах. Что она знает о подростках? Разве она понимает наш юмор? Конечно, нет. – А теперь объясни, почему ты подняла руку на Харрисона Бойда? Есть что-то такое, о чем следует знать администрации школы?

– Харрисон Бойд – придурок, – небрежно говорю я и машу рукой, показывая, что не придаю случившемуся большого значения. Мне не нравится ее тон, мягкий, озабоченный. Это же не сеанс психотерапии. – Теперь мне можно идти? Я согласна, что не следовало его бить. Оставьте меня после уроков или что там еще, и я пойду.

Миссис Дилейни смотрит на меня и качает укоризненно головой.

– Ох, Ванесса. – Ее задевает мое нежелание участвовать в разбирательстве инцидента, но я и не собираюсь делиться со школьным консультантом внезапно возникшими в моей жизни проблемами. – Ты ударила своего товарища. Почему? Из-за чего? Харрисон спровоцировал тебя?

Так бы и рассмеялась ей в лицо, но я старательно сохраняю невозмутимое выражение и не позволяю себе проявления каких-либо чувств.

– Серьезно, это всего лишь личная драма. – Мне это уже начинает надоедать. Не представляю, как можно обсуждать слив в Сеть записи с моим стриптиз-шоу с женщиной, которая годится мне в бабушки. Хочу как можно скорее убраться из этой тесной, душной клетушки и поднимаюсь со стула. – Нельзя решать личные проблемы на территории школы. Я поняла. Пожалуйста, выпишите мне наказание.

Миссис Дилейни с явной неохотой выдает мне предписание, согласно которому я должна отработать в школе две недели после занятий, и я чуть ли не вырываю бумажку у нее из пальцев. В конце концов она отпускает меня, и я вылетаю из ее закутка в главный офис. Все двери уже закрыты, за столами почти никого нет. Понедельник – нелегкий день в Уэстервилль-Норт.

Вздыхаю и смотрю на руки – надо же оценить ущерб. Пощечина Харрисону обошлась мне в два сломанных ногтя, разговор с миссис Дилейни еще в один – так сжала кулачки, что ноготь впился в ладонь и надломился. Тем не менее сейчас мне не до них. Решаю, что после всего произошедшего занятия сегодня лучше пропустить. Слишком уж все свежо – и выходка

Харрисона, и пересуды. Если бы что-то похожее случилось с другой девчонкой, я бы наверняка не прошла мимо такой темы. Обсуждала бы, высмеивала. Так что стоит взять паузу, и пусть все немного успокоится. Чайна ждет меня на парковочной площадке, и поскольку в Кливленд мы уже не бежим, решаем навестить наше любимое кафе-мороженое.

– Это не ты та девушка с видео? – раздается в тишине незнакомый голос, и я останавливаюсь посредине учительской. Поворачиваю голову – вдоль стены расставлены стулья, и на одном из них, свесив руки между ног, сидит какой-то парень. Сидит с невозмутимым видом, как будто ему все по барабану. Незнакомый, определенно не из наших.

– Да, я. – Лучше признаться, чем отпираться и ставить себя в неловкое положение. – Но на приватное шоу не рассчитывай.

– Слышал, шуму оно наделало много. – Незнакомец смотрит на меня с любопытством и даже выпрямляется. – Но я и не собирался просить. Не знаю, поверишь ли, но ты не в моем вкусе.

– А, понимаю. – Я усмехаюсь. Почему бы и не подыграть? – Твой тип – это милые, невинные создания, так? Не такие дешевки, как я.

– Вообще-то, я имел в виду, что предпочитаю блондинок.

Я закатываю глаза, провожу ладонями по волосам и медленно перевожу дух.

– Извини, утро выдалось не самое спокойное. Не хотела ни на ком срываться, но…

– Понимаю, – кивает он. – Можно спросить кое о чем?

– Нет, секс того не стоил.

Парень снова усмехается и берет небольшую паузу, похоже, чтобы не рассмеяться.

– Опять мимо. На самом деле я хотел спросить, не часто ли ты на людей натыкаешься.

Я пристально смотрю на него, но голова работает медленнее обычного. Мысли цепляются за Харрисона и выложенное им видео, а еще я никак не могу отделаться от ощущения, что вот-вот вырублюсь. Но потом туман вдруг рассеивается, и я понимаю, что знаю его.

Это тот самый парень, без приглашения явившийся в субботу на вечеринку к Мэдди со своими приятелями из футбольной команды Уэстервилль-Сентрал. Тот, на которого я налетела и у которого выбила стакан из рук. Он еще посоветовал мне быть осторожней, а потом, уже на кухне, сцепился из-за какой-то ерунды с Харрисоном Бойдом.

Пусть я и трезва сейчас как стекло, но мысли, возникшие сейчас, не так уж далеки от тех, что бродили в моей буйной голове в субботу. Я как будто снова вижу его в первый раз. Смотрю на него молча, оценивающе и замечаю, что его присутствие удивительным образом отвлекает меня от болезненно пульсирующей в груди жилки стыда. Курчавые волосы, теплая, с бронзовым отливом кожа, пронзительная голубизна глаз и идеально вылепленные губы. Я отрываю взгляд от них и цепляюсь за бровь с выбритой косой полоской.

– Да… Извини… – Слышу свой голос и замечаю, что теперь он звучит почти нормально. – А что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, обводя взглядом учительскую и как бы напоминая, что эта школа для него чужая.

– Перевелся сюда из Уэстервилль-Сентрал. Сегодня мой первый день. – Он улыбается, демонстрируя идеально ровные зубы. Сердце по-прежнему колотится, но теперь, похоже, по другой причине. – Мне просто вот что интересно. Это ведь Харрисон Бойд на том видео, да? Он сбросил его в Сеть?

– Так и есть. И как по мне, пусть катится ко всем чертям.

– Не знаю, станет ли тебе легче, но ты не единственная, кого он кинул. – Незнакомец поднимается, делает шаг ко мне, а я отчаянно роюсь в памяти, пытаясь вспомнить имя. Харрисон называл его как-то… но память скрыта туманом. Я стою и жду, а он уже рядом, высится надо мной, такой внушительный и загадочный. – Мне много чего есть сказать об этом парне, но ничего хорошего.

О чем он говорит? Что имеет в виду? Не понимаю.

– У тебя с ним какие-то свои, футбольные терки? – неуверенно спрашиваю я.

– Нет, это кое-что более личное, – отвечает он тоном, подразумевающим какую-то непонятную двусмысленность. Глаза его темнеют, он опускает голову, упирается взглядом в пол, и губы уже не кривятся в улыбке, а на скулах проступают желваки.

Я не знаю, почему он заговорил со мной, не знаю, зачем упомянул о своих претензиях к Харрисону, но ловлю себя на том, что рада снова видеть его. Бывает так, что жизнь подбрасывает подарок и ты встречаешь такого вот роскошного парня, но потом ваши пути расходятся навсегда, но вот он здесь, в моей школе, стоит передо мной и говорит, что тоже ненавидит Харрисона Бойда.

– А если подробнее? – спрашиваю я. Кожу как будто покалывают иголочки, но я стараюсь выдержать заинтересованный тон и не показаться неприступной.

– Нет. – Он качает головой и оглядывается, но в офисе пока еще пусто. – Просто имей в виду, что ты не одна. Я знаю, что за тип этот Харрисон, и можешь поверить мне на слово – я презираю его еще больше, чем ты.

Звучит это все весьма загадочно. Да, Харрисон бывает временами задавакой, но вообще-то он всем нравится. Играет в школьной футбольной команде, хорошо учится, многие девчонки даже считают его красавчиком – я сама так думала, но, оказывается, жестоко ошибалась. И вот теперь вдруг выясняется, что я не единственная, кому Харрисон нагадил, потому как вот этот незнакомец открыто признается, что имеет к нему личные претензии. Не знаю почему, но мне приятно сознавать, что есть кто-то еще, кто не поддался фальшивому обаянию Мистера Харрисона Милого Парня.

– Я бы с удовольствием подпортила ему настроение, – говорю я. Нельзя, чтобы такое сошло ему с рук. – Месть была бы сладкой.

Он смотрит на меня, слегка склонив голову набок, и его голубые глаза вызывают во мне странное волнение.

– Месть… – Это слово эхом повисает в воздухе. Он хмурится. – А знаешь, это ведь неплохая идея.

– Я пошутила, – говорю я, хотя, конечно, мне не до шуток.

Он будто и не слышит.

– Ты только подумай. Тебе есть за что злиться на Харрисона Бойда. И мне есть за что злиться на Харрисона Бойда. Вдвоем мы могли бы посчитаться с ним. – Он словно читает мои мысли. Смотрит куда-то вдаль, и я почти слышу, как крутятся колесики у него в голове. – Отплатить его же монетой. Было бы забавно. И мы могли бы помочь друг другу.

Пульс стучит у меня в ушах. Выраженное в такой форме предложение звучит заманчиво. А почему бы и нет? Поиграть с Харрисоном было бы, пожалуй, забавно, особенно если заниматься этим не в одиночку, а на пару. Утро выдалось хмурое, повозили меня жестко, и забудется такое не скоро. Харрисон заслуживает хорошей трепки.

Незнакомец снова смотрит на меня, а меня хватает только на то, чтобы тупо смотреть на него. *Да как же его зовут?*

– По-моему, нас еще не представили друг другу должным образом, – говорю я с чопорным видом, будто мы присутствуем на деловой встрече.

– Ну, я вот знаю, что ты – Ванесса, – улыбается он и протягивает руку. Улыбка у него озорная, немножко лукавая и совершенно обворожительная. – Так что скажешь? Партнеры?

Я смотрю на протянутую руку. А ведь предложение и впрямь интересное. Учитывая, что с последними клочками гордости и достоинства я рассталась на вечеринке у Мэдди, терять мне, в общем-то, нечего, ведь так? Протягиваю руку, и она исчезает в его ладони. Он крепко ее пожимает. Кожа у него теплая и гладкая, и когда мы касаемся друг друга, по мне, от кончиков пальцев до поясницы, словно пробегает электрический заряд.

– Да, партнеры.

Я слышу, как открывается дверь и по офису разносится голос миссис Дилейни:

– Кай Вашингтон? Извини, что заставила ждать.

– Никаких проблем, – говорит он, глядя мне за спину через мое плечо.

Моя рука все еще в его руке, и он быстро поворачивает ее ладонью вверх, достает из кармана джинсов маркер и пишет номер телефона. Получается немножко щекотно, но меня занимает другое: как уютно моей руке в его руке. *Кай Вашингтон*, несколько раз мысленно повторяю я.

– Позвони, – шепчет он и, обойдя меня, направляется вслед за миссис Дилейни в ее офис.

Растерянно смотрю ему в спину. Адреналин уже не звенит в крови, иголочки лишь слегка пощипывают кожу. В самом его присутствии есть что-то чарующее; оно и волнует, и успокаивает. А ведь должно – я это знаю – быть иначе: этот парень несет беду, и мне, если уж на то пошло, следовало бы бежать от него куда подальше. Но я ничего не могу с собой поделать, меня влечет к нему так же, как и тогда, на вечеринке у Мэдди.

Я смотрю на ладонь – что там написано? – и закатываю глаза. Потом достаю телефон, добавляю новое имя в список контактов и сохраняю как *Кай Вашингтон (партнер)*.

Глава 4

– Итак, ты встречаешь какого-то странного типа, о котором абсолютно ничего не знаешь, и он выманивает тебя из города, убивает и бросает тело в канаву, за деревьями. Какую песню ты хотела бы услышать на своих похоронах?

Я сердито смотрю на Чайну сверху вниз. Вместо того чтобы вернуться на занятия, мы закатились в кафе «Роллиз» и уплетаем уже вторую порцию нашего любимого шоколадного мороженого.

– Никакой он не странный и не тип, – возражаю я. – Он из Уэстервилль-Сентрал, помнишь?

– Час от часу не легче. – Чайна бьется головой о столик. Мне нравится, когда она устраивает такие представления. Получается смешно, а посмеяться сегодня совсем не лишнее.

– Нет, честно, он такой… загадочный. – Я беру Чайну за руки и тяну вверх. Потом показываю язык и отправляю в рот еще одну ложку мороженого. Перед глазами снова Кай. Ничего не могу с собой поделать, западаю на высоких симпатичных парней, особенно голубоглазых и уверенных в себе.

После всех сегодняшних неприятностей встреча с ним стала первым приятным эпизодом.

– А еще он жутко сексуальный, – говорю я.

Чайна щелкает пальцами у меня перед носом.

– Так ты собираешься отомстить Харрисону? Или просто встретила очередного крутого парня?

– На первом месте, конечно, месть. Без вопросов. А симпатичный партнер – это приятный бонус. – Я нацеливаю на нее ложечку. – Ты сама сказала, что порежешь Харрисону шины на пикапе. Хорошая мысль. Надо запомнить.

– Ванс… Ты уверена, что хочешь это сделать? – спрашивает Чайна, и я вижу, что она обеспокоена. Похоже, сомневается в этичности – или законности – моего плана. Такой она человек, добрая по натуре и благоразумная. Если, конечно, не принимать во внимание ее привычку прихватывать канцелярские принадлежности. – То есть, конечно, посчитаться надо, но будь осторожна, не вляпайся в неприятности.

Встреча в школе с Каем, а теперь вот этот праздник мороженого… На какое-то время я даже забыла про злосчастное видео, которое гуляет по всему городу. Теперь все мысли заняты местью и возможными способами ее осуществления. В этом даже есть что-то волнующее. Куда легче направить энергию на вендетту, чем страдать от мыслей о предательстве, стыда и смущения.

– А какие-то другие идеи у тебя есть?

– В грузовиках я не разбираюсь, но в компьютерах – ас, так что только позови, если понадобится что-то хакнуть, – бормочет Чайна, подбирая ложечкой мороженое. Мысль уже не дает покоя, она чувствует себя вовлеченной в наши планы и поднимает голову. – Послушай, сейчас время ланча. Позвони этому своему типу. Хотелось бы узнать, что он говорит.

Я смотрю на винтажные часы-мороженое «Херши» на стене и задерживаю взгляд на тикающей секундной стрелке. После встречи с Каем в школьном офисе прошло всего-то часа два.

– Может, стоит подождать до завтра?

– Позвони, – твердо повторяет Чайна.

Я и не сопротивляюсь. Очень уж хочется узнать, как будут играть наши договоренности. Типа, что в нашем плане идет первым пунктом. Или как он смотрит, например, на то, чтобы порезать шины на пикапе.

– Ладно, ладно. Звоню. – Я беру со столика телефон, прокручиваю список контактов и, дойдя до *Кай Вашингтон (партнер),* сразу, пока не передумала, тапаю по экрану.

Звонки идут долго, и я жду, что вот сейчас включится голосовая почта, но тут кто-то все же отвечает.

– Нет, я не стану забирать ваш приз за победу в конкурсе, в котором я никогда не участвовал, и нет, я не готов раскрыть вам какую-либо личную информацию.

Может быть, Чайна права. Какой-то он странный…

– Кай? Это Ванесса. – Мой голос звучит неожиданно жалобно, просительно. Я как будто нервничаю. Но это же какое-то безумие. Я столько раз звонила парням. Я научилась владеть голосом, придавать ему знойный оттенок. Может быть, проблема именно в этом. Я привыкла флиртовать и отвыкла просто разговаривать в обстоятельствах более платонических.

– Привет, партнер. – А вот он, судя по тону, совсем не удивлен, что я звоню так скоро. Голос ровный, с легкой хрипотцой, которой я не слышала, когда мы разговаривали в школе и он стоял рядом. – Может, нам придумать друг для друга кодовые имена? Я буду… Капитаном Вашингтоном… пока не придумаю что-нибудь поинтереснее. А ты?

Да, парень определенно странный.

– Э…

– Тогда… Несси, – продолжает он после едва заметной паузы.

– Извини?

– Послушай, Несси. Это Капитан Вашингтон. Нам нужно встретиться сегодня вечером и обсудить план предстоящего сражения. Где, у тебя или у меня?

Я моргаю, застигнутая врасплох его настойчивостью и решительностью. Учитывая, что мы едва знаем друг друга, Капитан Вашингтон определенно не теряет времени даром. Он уже называет меня каким-то придуманным именем и приглашает к себе домой.

– Надеюсь, это не предлог, чтобы заманить меня к себе?

– Повторяю, Несси, ты не в моем вкусе, – твердо говорит Кай.

Правильно. Ему нравятся блондинки, а я такая брюнетка, что темнее и быть не может. Чайна сдвинулась на край стула и смотрит на меня большими глазами, с нетерпением ожидая отчета, но я качаю головой. Чувствую, как на губах просыпается улыбка, и поворачиваюсь к окну.

– Давай выберем место более публичное. – Я не боюсь, что Кай убьет меня или сделает что-то другое. Просто не хочу идти в чужой дом и уж определенно не хочу приглашать в свой, холодный и негостеприимный.

– Хорошо. Встретимся в городской библиотеке в восемь.

– В библиотеке? – фыркаю я. Никогда там не бывала. Смотрю в окно – она там, на другой стороне улицы.

Окраина Уэстервилля – скромный городской квартал; большинство горожан ездят отсюда в центр, в Колумбус.

– Там нас никто не заметит, согласна? Ты знаешь кого-нибудь, кто бывает возле библиотеки по вечерам? – спрашивает Кай, и я молчу. – Вот именно. Операция «Смерть Харру» – наш большой секрет.

– Операция «Смерть Харру»? – Он что, серьезно это сказал? Я едва удерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Отнесся к делу серьезно, но не без юмора. Вот уж не думала, что планирование мести может доставлять такое удовольствие. – Ладно. Библиотека, в восемь. Оденьтесь во все черное. Не забудьте темную толстовку и перчатки, Капитан Вашингтон, – говорю я, принимая его тон и вступая в игру. Два одержимых местью подростка разрабатывают секретный план в тиши Уэстервилльской публичной библиотеки. Это мне по вкусу.

– Понял, Несси. До встречи в библиотеке.

– Конец связи, Капитан Вашингтон.

Он дает отбой, но я еще держу трубку возле уха и, словно в трансе, смотрю в окно, не замечая пару хипстеров-собачатников по ту сторону стекла, которые, наверно, думают, что я улыбаюсь им.

Встряхиваю себя мысленно и поворачиваюсь к Чайне, которая смотрит на меня полными ужаса глазами.

– Мне точно надо проверить слух, ведь не могла же ты на самом деле назвать того парня *Капитаном Вашингтоном*, правильно?

– Извини, секретная информация, – говорю я преувеличенно серьезным тоном и плотно сжимаю губы для пущего драматического эффекта.

Вид у Чайны такой, словно она готова запустить в меня мороженым, но в решающий момент ее отвлекает звонок лежащего на столике телефона. Она тянется к нему, берет в руки и вздыхает.

– Папа. Придется объяснять, почему не была на занятиях. Не беспокойся, скажу, что у тебя личная драма и лучшая подруга понадобилась для моральной поддержки.

Чайна отвечает и отворачивается от меня.

Я смотрю на свой телефон, будто жду звонка от отца. Пора бы уж привыкнуть, что никакого звонка не будет. Я даже не помню, когда отец в последний раз присылал мне эсэмэску. Может быть, пару недель назад, когда попросил по пути домой заглянуть в магазин и купить молока. Чего бы только ни дала за то, чтобы он позвонил вот сейчас и накричал на меня по телефону. Я бы сделала для него что угодно, чтобы он только спросил, куда это я пропала и почему лопаю мороженое вместо того, чтобы сидеть на уроке английской литературы. Я бы сделала что угодно, чтобы он спросил, все ли у меня в порядке, потому что тогда я, может быть, воспользовалась бы шансом и сказала, что я не в порядке.

Возвратившись ближе к вечеру домой, замечаю, что Зеленого Рыжика на подъездной дорожке нет. Это хорошо. Это значит, что папа на работе – после смерти мамы он перешел из полиции в службу предотвращения потерь и теперь каждый день патрулирует универсальный магазин «Коль», – а не сидит за обеденным столом, составляя свой безумный план путешествия в Ирландию. Знаю, у него не все в порядке с головой, поэтому и тревожусь. Новая работа спокойнее, и мне хотелось бы, чтобы он чаще виделся с друзьями, если они у него еще остались. Порой мне кажется, что он порвал с ними всеми. Семья у нас большая, но Мерфи разбросаны по всему Среднему Западу, так что навещаем друг друга мы нечасто. Думаю, он одинок и слишком ушел в себя, чтобы что-то замечать, а когда однажды очнется, увидит, что всех оттолкнул. Далеко в прошлом остались дни, когда каждый четверг папа брал нас с Кеннеди и мы обедали где-нибудь в городе, а потом шли в кино; когда вечерами он играл с друзьями в покер на кухне; когда по уик-эндам устраивал для мамы романтические поездки. Все это безвозвратно кануло в прошлое.

Вхожу через переднюю дверь. В доме тихо. Кеннеди сидит, скрестив ноги, на диване в гостиной. Поза напряженная, взгляд прикован к застывшей на паузе картинке на экране.

– Привет. – Я иду мимо, но останавливаюсь, не получив от сестры ответа, и поворачиваюсь к ней. – Я сказала «привет».

– Я знаю о видео. – Голос глухой, бесстрастный. Она не смотрит на меня, но это только к лучшему, потому что и я не нахожу в себе сил посмотреть ей в глаза. – Все мои друзья об этом говорят. Тебя называют…

– Знаю, – перебиваю я. Сердце проваливается куда-то глубоко-глубоко. Не хочу слышать, как сестра произнесет это слово. Я и сама могу заполнить пропуск. – Но ничего плохого я не сделала. То видео не должен был увидеть никто, кроме нас с Харрисоном. Ты… ты смотрела его?

– Только первые несколько секунд. Я не верила тому, что говорят, и хотела проверить.

Во мне поднимается новая волна злости: это из-за Харрисона моя сестра прошла через такое унижение. Кеннеди ходит в нашу школу, и ей еще придется услышать насмешки и измышления, и для меня нет ничего хуже, чем знать, что в ее неприятностях виновата я. Хорошо еще, что она хотя бы не видела все видео. Представляю, как бы это было, и меня передергивает от отвращения.

– Можешь оказать мне любезность? – спрашиваю я негромко и присаживаюсь на подлокотник дивана. Наши коленки стукаются одна о другую. – Ты можешь разговаривать со мной или не разговаривать – поступай как хочешь, – но, пожалуйста, не упоминай об этом при папе.

– Он все равно меня не услышит, – ворчит она, и я беспомощно смотрю на нее.

Кеннеди не хуже меня знает, что он не замечает нас обеих. Разговаривать с ним все равно что бросать слова в пустоту. Не важно, как хрипнет голос, не важно, как болят легкие, можно кричать вечность и не дождаться ответа. Он – оболочка того человека, у которого, когда мама умерла, вырвали сердце и душу. Там, внутри его, – пустота.

– Спасибо. – Я сжимаю ее плечо, как бы напоминая, что прекрасно знаю, как она себя чувствует. – И не вешай нос. Я еще рассчитаюсь с Харрисоном. А тебе стоит извлечь из всего этого жизненный урок: никогда не позволяй парню унижать тебя. А если он это делает, ответь тем же.

Я еще раз тискаю ее плечо, и Кеннеди наконец поднимает голову и смотрит на меня.

– Как ты это сделаешь? – спрашивает она, и ее глаза светятся любопытством.

– Пока еще не определилась, – признаюсь я, – но у меня появился помощник, который, похоже, готов на все.

Сестра издает протяжный стон и качает головой.

– Ты точно вляпаешься в неприятности.

– Хорошо, что папа ничего не замечает, да? – Я подмигиваю ей, и мы хихикаем. Такие вот у нас шутки. Легче шутить, чем признаться, что на самом деле мы хотим – что нам нужно после того, как мама ушла, – чтобы наш отец вел себя так, как и подобает родителю.

– Надо думать, встречаться с братом Харрисона мне уже не придется, – вздыхает Кеннеди. – Спасибо, сестренка. – Она отворачивается, включает телевизор, а я закатываю глаза и направляюсь к лестнице, не позабыв напомнить, чтобы выключила телевизор и сделала уроки.

Чувствую себя психологически опустошенной, но в то же время полной сил. Опустошенной потому, что в течение дня в голову какие только мысли не приходили. Что, если видео с моим стриптизом видел кто-то из учителей? Что, если кто-то отправит его на какой-нибудь порносайт с миллионом подписчиков? Что, если вся эта история не сойдет сама собой на нет, а будет тянуться, и я повсюду буду натыкаться на ухмылки и намеки – до самого выпуска? Что, если видео последует за мной в колледж и дальше, и я постоянно буду жить под тенью страха, что кто-то еще узнает о моем позоре? Я слышала немало историй о разбитых сердцах и судебных исках и знаю, что такие вот моменты ломают жизни.

Вот почему я так зацепилась за эту мысль: уничтожить в отместку Харрисона. Нельзя допустить, чтобы он так обошелся со мной и это сошло ему с рук. Нет, он заплатит за все, и я жду не дождусь, когда смогу обдумать самые страшные, самые извращенные способы мести. Поработать с пикапом? Достать его через друзей? Лишить места в футбольной команде? Отыграться на его семье? Возможностей так много. И меня нисколько не волнует, что месть ставит нас на один уровень. Ну и пусть. Я хочу, чтобы он заплатил, и эта плата будет самой сладкой, самой желанной платой за предательство.

Поднимаюсь по ступенькам и внезапно останавливаюсь на площадке. На стене мамина фотография, и мама на ней еще подросток. Юная, красивая, улыбающаяся широко в камеру. Пальцы трогают кончики завитых и залитых лаком пышных волос – она всегда уверяла, что так было модно в 1980-х. Я смотрю на это фото каждый день. Каждое утро, когда выхожу из своей комнаты и спускаюсь вниз, и каждый вечер, когда прихожу домой и поднимаюсь к себе.

Но сегодня на сердце тяжелее обычного, и даже мамина неудача в беге за модой не вызывает у меня привычной улыбки. Я знаю это, потому что чувствую себя виноватой. Будь мама здесь, она бы расстроилась.

Я возвращаюсь мысленно в шестой класс. В тот день все родители получили письмо из школы, в котором администрация напоминала им о необходимости предупредить детей об опасностях социальных сетей. Мама позвала меня на кухню и попросила сесть. Повторила вместе со мной простые правила безопасности. Не ругаться в онлайне. Не говорить плохо о старших. Не выдавать личную информацию. Не снимать себя в непристойном виде.

Я нарушила все эти правила. Каково бы ей было узнать, что есть неприличное видео с ее дочерью и оно бродит по Сети и попадает в самые дальние уголки интернета? Как бы она совладала с таким позором – моим и своим, – узнав, что я не прислушалась к ее советам? Что я предала ее доверие, повела себя глупо и безответственно, что не дотянула до тех стандартов, которые она определила для меня перед тем, как уйти?

Я сгораю от стыда. Как же мне жаль. Ведь я знала, что делает Харрисон. Теперь, после всего случившегося, так легко признать, что мне следовало сразу же потребовать, чтобы он убрал телефон и прекратил снимать то, что не предназначено для чужих глаз. Но мне почему-то представлялось, что это все так сексуально. Так интимно. Я думала, что могу доверять ему.

Как бы я хотела, чтобы мама была здесь. Пусть бы накричала на меня. Пусть бы даже наказала меня. Пусть бы я даже захлопнула дверь у нее перед носом.

Ей хотя бы не было все равно.

Она хотя бы была живая.

Глава 5

Беру ключи от машины и выхожу из дома, не сказав ни слова отцу. А чего ради? Он в гостиной с чашкой остывшего кофе и сигаретой в руке, уставился в потолок. Господи, как бы я хотела, чтобы он сделал хоть что-нибудь, доказал, что он еще жив. Как бы я хотела, чтобы он увиделся с друзьями, может быть, выпил с ними пива. Нет ничего хуже, чем жалеть собственного отца.

Скоро девять, и при мысли о скорой встрече с Каем меня охватывает непривычное, волнительное и тревожное чувство. Я так до сих и не знаю толком, во что ввязываюсь. Что означает *месть* в понимании Кая? Что, если его намерения идут намного дальше моих? Что, если его замыслы рассчитаны на исключение Харрисона из школы? Может, он планирует побить Харрисона? Устроить так, чтобы его арестовали? Это надо выяснить.

Забираюсь в нашу старенькую «Тойоту» и с нарастающим нетерпением прислушиваюсь к хрипам пытающегося реанимировать себя древнего двигателя. Выезжать на этом недоразумении я отваживаюсь только под покровом темноты, когда никто не видит, что за рулем сижу я. Показаться в нем среди белого дня все равно что совершить социальное самоубийство. Хотя в данный момент мой общественный статус и без того на уровне плинтуса. Папа, прежде чем задумается об апгрейде Зеленого Рыжика, намерен, похоже, окончательно его угробить, вот почему я испытываю абсолютно рациональный страх каждый раз, когда выезжаю на дорогу. Вся эта кучка ржавого металлолома вполне может взорваться и сгореть посредине улицы.

С подъездной дорожки сворачиваю в сторону центра. Городок у нас немного странный, и Уэстервилль-Сентрал расположен севернее Уэстервилль-Норт. Но смеяться над такой нелепостью было бы жестоко уже хотя бы потому, что мне нравится здесь жить. От нас до центра Колумбуса двадцать минут на машине, так что городская жизнь начинается, можно сказать, прямо за порогом, однако же Уэстервилль сохраняет и старомодность, и определенное очарование. Тихий, безопасный колледжский городок, где люди знают друг друга. Обычно это плюс, но только до тех пор, пока ты ведешь себя хорошо. В таком тесном сообществе, как наше, для ошибок места нет.

В центре затишье, что нисколько не удивительно. Понедельник, поздний ноябрьский вечер – для прогулок по нашей короткой главной улице холодновато и темно. Типичный городской пейзаж, знакомый по множеству фильмов. Большинство здешних магазинов и ресторанов – это независимые старомодные заведения, пользующиеся любовью и поддержкой горожан. На углу квартала уже виден магазин спортивных и туристических принадлежностей, и я крепче сжимаю руль.

Библиотека находится через улицу от кафе «Роллиз», где мы с Чайной объедались шоколадным мороженым этим утром. Я здесь впервые, а потому, подъезжая, на минутку задерживаюсь и осматриваю здание снаружи, после чего заезжаю на почти пустую парковочную площадку. Кай был прав. В понедельник вечером, за час до закрытия, посетителей в библиотеке немного, а таких, кому меньше двадцати пяти, скорее всего, вообще нет. Может, одна из полдюжины машин на стоянке принадлежит Каю. Я паркуюсь, занимая сразу два места, потому что ленюсь маневрировать, выхожу из Зеленого Рыжика, закрываю дверцу и осторожно иду к зданию, отыскивая взглядом вход. Интересно, впустят ли меня в библиотеку без читательской карточки?

Сую руки в карманы кожаной куртки. Черной, разумеется, как и джинсы. Я – словно гангстер, крадущийся по городу поздней ночью. Опустив голову, иду мимо стола дежурной, но тишина в вестибюле такая, что я чувствую себя в круге света от нависшего над головой огромного прожектора. К счастью, за самим столом никого нет. В отделе детской литературы какая-то женщина расставляет на полках книги. Сидящий за компьютером мужчина ожесто-

ченно колотит по клавиатуре. Девушка, с трудом удерживающая в руках высоченную стопку книг в мягкой обложке, скользит взглядом по корешкам криминальных романов.

– *Тсс*!

Поворачиваюсь и замечаю Кая – он наблюдает за мной в щель между стеллажами из отдела «Помоги себе сам». Оглядывается и, убедившись, что никто не обращает на него внимания, машет мне рукой.

От одного лишь взгляда его голубых глаз сердце подпрыгивает и несется вскачь. Иду к нему между стеллажами. Вот и Кай – в черной толстовке «Найк», рваных черных джинсах и черных кедах. С трудом сдерживаю улыбку – все по инструкции.

– Извини, а где черные перчатки? – спрашиваю я, сложив руки на груди и изображая недовольство.

Кай сует руку в карман толстовки и достает красные футбольные перчатки.

– Сойдет? – Я смеюсь. Он заталкивает перчатки в карман и проводит ладонью по корешкам стоящих на полке книг. – Увы, руководство для мстителей еще не написали. Придется поработать самим.

– Кое-какие мысли у меня есть, – говорю я. – Но для их реализации потребуется твоя помощь.

– Ну, тогда можешь называть меня Экзекутором. – Он откашливается, достает из заднего кармана джинсов блокнотик и тянется к засунутой за ухо ручке. Все очень серьезно. – Давай, Несси. Приступим.

Я так и не решила еще, раздражает меня его манера поведения или забавляет. Но по крайней мере, что-то свеженькое. Знакомые парни в Уэстервилль-Норт немного другие. Пожалуй, более расслабленные. Они не стараются произвести впечатление, понравиться. Или, может быть, это сам Кай такой… необычный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.